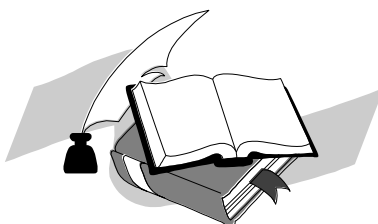

ИБИС

Альманах
№ 20

- Этика
- Эзотерика
- Литература
- Философия
- Медицина
- Наука

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты.

Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

*Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и прочая*

Содержание:

№ файла

● 1-я страница обложки	01
● 2-я страница обложки	02
● Эпиграф к журналу	03
● Сначала прочтите это	04
● Как "раскулачивание" убивало российскую деревню	05
● Настоящая литература! Продолжение повести Анат. Рыбакова "Прах и пепел" — о временах сталинизма	06
● Теософский словарь	07
● Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": о нашем времени и ближайшем будущем?.. (продолжение)	08
● Сатирофантазия Бруно ЯСЕНСКОГО "Нос" (продолжение)	
09□	
● "Альтист Данилов" (продолжение)	10
● Продолжение "Альтиста Данилова" — "Шеврикука, или Любовь к привидениям"	11
● Стихотворение	12
● Философема	13
● Цитата номера	14
● 3-я страница обложки	15
● 4-я страница обложки	16

**"Самого себя как целого
можно достичь только если
полностью понимаешь, что
обычный мир — это просто
точка зрения, независимо от
того, принадлежит ли она
обычному человеку или магу.**

*** * ***

**После целой жизни
борьбы я знаю, что по-
настоящему важным является
не просто научиться новому
описанию мира, но прибыть к
нему целым: следует прибыть
к нагуалю, не покалечив
тоналя, и превыше всего — не
покалечив своего тела."**

Дон Хуан
*(К. Кастанеда,
"Сказки о силе")*

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение автомобиля скорой помощи придано рубрике "Медицина", изображение строения атома — рубрике "Наука", и так далее. (Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную — трёхлепестковое пламя над чашей.) Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё, и т.п. Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не хуже военной приёмки...

Ниже примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (то есть рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи.

№ 1:

№ 2:

Также в папке FONTS прилагаем применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

Василий ГРОССМАН

Всё течёт

Глава 14

Хочу тебе об этом рассказать, всё вспомнить, что было.

Нет, при раскулачивании голода не было, упали только посевные площади, их размер. А голод пришел в тридцать втором, на второй год после раскулачивания.

Я в райисполкоме полы мыла, а подруга моя в земотделе, и мы много знали, я могу всё, как было, рассказать. Счетовод мне говорил: "Тебе министром быть", я действительно быстро понимаю, и память у меня хорошая.

Раскулачивание началось в двадцать девятом году, в конце года, а главный разворот стал в феврале и марте тридцатого. Вот, вспомнила: прежде чем арестовывать, на них обложение сделали. Они раз выплатили, вытянули, во второй раз продавали, кто что мог, - только бы выплатить. Им казалось - если выплатят, государство их помилует. Некоторые скотину

резали, самогон из зерна гнали - пили, ели, всё равно, говорили, жизнь пропала.

Может быть, в других областях по-иному было, а в нашей именно так шло. Начали арестовывать только глав семейств. Большинство взяли таких, кто при Деникине служил в казачьих частях. Аресты одно ГПУ делало, тут актив не участвовал. Первый набор весь расстреляли, никто не остался в живых. А тех, что арестовали в конце декабря, продержали в тюрьмах два-три месяца и послали на спецпереселение. А когда отцов арестовывали, семей не трогали, только делали опись хозяйства, и семья уж не считалась владеющей, а принимала хозяйство на сохранение.

Область спускала план - цифру кулаков - в районы, районы делили свою цифру сельсоветам, а сельсоветы уже списки людей составляли. Вот по этим спискам и брали. А кто составлял? Тройки. Мутные люди определяли - кому жить, кому смерть. Ну и ясно - тут уж всего было - и взятки, и из-за бабы, и за старую обиду, и получалось иногда - беднота попадала в кулаки, а кто побогаче - откупался.

А теперь я вижу: не в том беда, что, случалось, списки составляли жулики. Честных в активе больше было, чем жулья, а злодейство от тех и других было одинаковое. Главное, что все эти списки злодейские, несправедливые были, а уж кого в них вставить - не все ли равно. И Иван невинный, и Петр невинный. Кто эту цифру дал

на всю Россию? Кто этот план дал на всё крестьянство? Кто подписал?

Отцы сидят, а в начале тридцатого года и семьи стали забирать. Тут уж одного ГПУ не хватило, актив мобилизовали, всё свои же люди знакомые, но они какие-то обалделые стали, как околдованные, пушками грозятся, детей кулацкими выродками называют, кровососы, кричат, а в кровососах со страху в самих ни кровинки не осталось, белые, как бумага. А глаза у актива, как у котов, стеклянные. И ведь в большинстве свои же. Правда — околдованные: так себя уговорили, что касаться ничего не могут: и полотенце поганое, и за стол паразитский не сядут, и ребенок кулацкий омерзительный, и девушка хуже воши. И смотрят они на раскулачиваемых, как на скотину, на свиней, и всё в кулаках отвратительное: и личность, и души в них нет, и воняет от кулаков, и все они венерические, а главное - враги народа и эксплуатируют чужим трудом. А беднота, да комсомол, и милиция - это всё Чапаевы, одни герои. А посмотреть на этот актив: люди, как люди, и сопливые среди них есть, и подлецов хватает.

На меня тоже стали эти слова действовать: девчонка совсем - а тут и на собраниях, и специальный инструктаж, и по радио передают, и в кино показывают, и писатели пишут, и сам Сталин, и всё в одну точку: кулаки, паразиты, хлеб жгут, детей убивают, - и прямо объявили:

поднимать ярость масс против них, уничтожать их всех, как класс, проклятых... И я стала околдовываться, и всё кажется: вся беда от кулаков, и если уничтожить их сразу, для крестьянства счастливое время наступит. И никакой к ним жалости: они не люди, а не разберешь что, твари. И я в активе стала. А в активе всего было: и такие, что верили и паразитов ненавидели, и за беднейшее крестьянство, и были - свои дела обделывали, а больше всего, что приказ выполняли, - такие и отца с матерью забьют, только бы исполнить по инструкции. И не те самые поганые, что верили в счастливую жизнь, если уничтожить кулаков. И лютые звери, и те не самые страшные. Самые поганые - что на крови свои дела обделывали, кричали про сознательность, а сами личный счет сводили и грабили. И губили ради интереса, ради барахла, пары сапог. А погубить легко - напиши на него, и подписи не надо, что на него батрачили или имел трех коров, - и готов кулак. И всё это я видела, волновалась, конечно, но в глубине не переживала; если бы на ферме скотину не по правилу резали, я бы волновалась, конечно, сильно, но сна бы не лишилась.

...Неужели не помнишь, как ты мне ответил? А я не забуду твоих слов. Я спросила, как немцы могли у евреев детей в камерах душить, как они после этого могут жить, неужели ни от людей, ни от бога так и нет им суда? А ты сказал: суд над

палачом один - он на жертву свою смотрит не как на человека и сам перестает быть человеком, в себе самом человека казнит, он самому себе палач, а загубленный остается человеком навеки, как его ни убивай. Вспомнил?

Я понимаю теперь, почему я в кухарки пошла: не захотела дальше быть председателем колхоза. Да я раньше тебе уже про это говорила. И я вспоминаю теперь раскулачивание, и по-другому вижу всё - расколдовалась, людей увидела. Почему я такая заледенелая была? Ведь как люди мучились, что с ними делали! А говорили: это не люди, это кулачье. А я вспоминаю, вспоминаю и думаю - кто слово такое придумал - кулачье, неужели Ленин? Какую муку приняли! Чтобы их убить, надо было объявить - кулаки не люди. Вот так же, как немцы говорили: евреи не люди. Так и Ленин, и Сталин: кулаки не люди. Неправда это! Люди! Люди они! Вот что я понимать стала. Все люди!

Ну вот, в начале тридцатого года стали семьи раскулачивать. Самая горячка была в феврале и в марте. Торопили из района, чтобы к посевной кулаков уж не было, а жизнь пошла по-новому. Так мы говорили: первая колхозная весна.

Актив, ясно, выселял. Инструкции не было, как выселять. Один председатель нагонит столько подвод, что имущества не хватало, звание - кулаки, а подводы полупустые шли. А из нашей деревни гнали раскулаченных пешком.

Только что на себя взяли - постель, одежду. Грязь была такая, что сапоги с ног стаскивала. Нехорошо было на них смотреть. Идут колонной, на избы оглядываются, от своей печки тепло еще на себе несут, что они переживали, - ведь в этих домах родились, в этих домах дочек замуж отдавали. Истопили печку, а щи недоваренные остались, молоко недопитое, а из труб еще дым идет, плачут женщины, а кричать боятся. А нам хоть бы что: актив - одно слово. Подгоняем их, как гусей. А сзади тележка - на ней Пелагея слепая, старичок Дмитрий Иванович, который лет десять через ноги из хаты не выходил, и Маруся-дурочка, парализованная, — кулацкая дочь... Ее в детстве лошадь копытом по виску ударила - и с тех пор она обомлела.

А в райцентре нехватка тюрем. Да и какая в райцентре тюрьма - каталажка. А тут ведь сила - из каждой деревни народная колонна. Кино, театр, клубы, школы под арестантов пошли. Но держали людей недолго. Погнали на вокзал, а там на запасных путях эшелоны ждали, порожняк товарный. Гнали под охраной - милиция, ГПУ - как убийц: дедушки да бабушки, бабы да дети, отцов-то нет, их еще зимой забрали. А люди шепчут: "Кулачье гонят", словно на волков. И кричали им некоторые: "Вы проклятые", а они уж не плачут, каменные стали...

Как везли, я сама не видела, но от людей слышала, ездили наши за Урал к кулакам в

голод спастись, я сама от подруги письмо получила; потом убегали из спецпереселения некоторые, я с двумя говорила...

Везли их в опечатанных теплушках, вещи шли отдельно, с собой только продукты взяли, что на руках были. На одной транзитной станции, подруга писала, отцов в эшелон посадили, была в тот день в этих теплушках радость великая и слезы великие... Ехали больше месяца, пути эшелонами забиты, со всей России крестьян везли, впритир лежали, и нар не было, в скотских вагонах. Конечно, больные умерли в дороге, не доехали. Но главное что: кормили на узловых станциях - ведро баланды, хлеба двести грамм.

Конвой военный был. У конвоя злобы не было, как к скотине, так мне подруга писала.

А как там было - мне эти беглые рассказывали - область их разверстывала по тайге. Где деревушка лесная есть, там нетрудоспособных в избы набили, тесно, как в эшелоне. А где деревни вблизи нет - прямо на снег сгружали. Слабые померзли. А трудоспособные стали лес валить, пней, говорят, не корчевали, они не мешали. Деревья выкатывали и строили шалаши, балаганы, без сна почти работали, чтобы семьи не померзли; а потом уж стали избушки класть, две комнатки, каждая на семью. На мху клали и мхом конопатили.

Трудоспособных закупили у НКВД леспромхозы, снабжение от леспромхоза, а на

иждивенцев паек. Называлось: трудовой поселок, комендант, десятники. Платили, рассказывали, наравне с местными, но заработок весь на заборные книжки уходил. Народ могучий наш - стали скоро больше местных получать. Права не имели за пределы выйти - или в поселке, или на лесосеке. Потом уж, я слышала, в войну им разрешили в пределах района, а после войны разрешили героям труда и вне района, кое-кому паспорта дали.

А подруга мне писала: из нетрудоспособного кулачества стали колонии сбивать - на самоснабжении. Но семена в долг дали и до первого урожая от НКВД на пайке. А комендант и охрана обыкновенно - как в трудовых поселках. Потом их в артели перевели, у них там, помимо коменданта, выборные были.

А у нас новая жизнь без раскулаченных началась. Стали в колхоз сгонять - собрания до утра, крик, матерщина. Одни кричат: не пойдем, другие - ладно уж, пойдем, только коров не отдадим. А потом пришла Сталина статья - головокружение от успехов. Опять каша: кричат - Сталин не велит силой в колхозы гнать. Стали на обрывках газет заявления подавать: выбываю из колхоза в единоличные. А потом опять загонять в колхозы стали. А вещи, что остались от раскулаченных, большей частью раскрадывали.

И думали мы, что нет хуже кулацкой судьбы. Ошиблись! По деревенским топор ударил, как они стояли все, от мала до велика.

Голодная казнь пришла.

А я тогда уже не полы мыла, а счетоводом стала. И меня как активистку послали на Украину для укрепления колхоза. У них, нам объясняли, дух частной собственности сильнее, чем в РСФСР. И правда, у них еще хуже, чем у нас дело шло. Послали меня недалеко, мы ведь на границе с Украиной, - трех часов езды от нас до этого места не было. А место красивое. Приехала я туда - люди как люди. И стала я в правлении ихнем счетоводом.

Я во всем, мне кажется, разобралась. Меня, видно, недаром старик министром назвал. Это я тебе только так говорю, потому что тебе - как себе, а постороннему человеку я никогда не похвастаюсь про себя. Всю отчетность я без бумаги в голове держала. И когда инструктаж был, и когда наша тройка заседала, и когда руководство водку пило, я все разговоры слушала.

Как было? После раскулачивания очень площади посевные упали и урожайность стала низкая. А сведения давали - будто без кулаков сразу расцвела наша жизнь. Сельсовет врет в район, район - в область, область - в Москву. И докладывают про счастливую жизнь, чтобы Сталин порадовался: в колхозном зерне вся его

держава купаться будет. Поспел первый колхозный урожай, дала Москва цифры заготовки. Все как нужно: центр - областям, области - по районам. И нам дали в село заготовку - и за десять лет не выполнить! В сельсовете и те, что не пили, со страху перепились. Видно, Москва больше всего на Украину понадеялась. Потом на Украину и больше всего злобы было. Разговор-то известный: не выполнил - значит, сам недобитый кулак.

Конечно, поставки нельзя было выполнить - площади упали, урожайность упала, откуда же его взять, море колхозного зерна? Значит - спрятали! Недобитые кулаки, лодыри. Кулаков убрали, а кулацкий дух остался. Частная собственность у хохла в голове хозяйка.

Кто убийство массовое подписал? Я часто думаю - неужели Сталин? Я думаю, такого приказа, сколько Россия стоит, не было ни разу. Такого приказа не то что царь, но и татары, и немецкие оккупанты не подписывали. А приказ - убить голодом крестьян на Украине, на Дону, на Кубани, убить с малыми детьми. Указание было забрать и семенной фонд весь. Искали зерно, как будто не хлеб это, а бомбы, пулеметы. Землю истыкали штыками, шомполами, все подполы перекопали, все полы повзламывали, в огородах искали. У некоторых забирали зерно, что в хатах было, - в горшки, в корыта ссыпаны. У одной женщины хлеб печеный забрали, погрузили на подводу и тоже в район отвезли.

Днем и ночью подводы скрипели, пыль над всей землей висела, а элеваторов не было, ссыпали на землю, а кругом часовые ходят. Зерно к зиме от дождя намокло, гореть стало - не хватило у советской власти брезента мужицкий хлеб прикрыть.

А когда еще из деревень везли зерно, кругом пыль поднялась, все в дыму: и село, и поле, и луна ночью. Один с ума сошел: горим, небо горит, земля горит! Кричит! Нет, небо не горело, это жизнь горела.

Вот тогда я поняла: первое для советской власти - план. Выполни план! Сдай разверстку, поставки! Первое дело - государство. А люди - нуль без палочки.

Отцы и матери хотели детей спасти, хоть немного хлеба спрятать, а им говорят: у вас лютая ненависть к стране социализма, вы план хотите сорвать, тунеядцы, подкулачники, гады. Не план сорвать, детей хотели спасти, самим спастись. Кушать ведь людям нужно.

Рассказать я все могу, только в рассказе слова, а это ведь жизнь, мука, смерть голодная. Между прочим, когда забирали хлеб, объясняли активу, что из фондов кормить будут. Неправда это была. Ни зерна голодным не дали.

Кто отбирал хлеб? Большинство свои же, из РИКа, из райкома, ну комсомол, свои же ребята, хлопцы, конечно, милиция, НКВД, кое-где даже войска были, я одного мобилизованного московского видеда, но он не старался как-то, все стремился уехать... И опять, как при

раскулачивании, люди все какие-то обалделые, озверелые стали.

Гришка Саенко, милиционер, он на местной, деревенской, был женат и приезжал гулять на праздники - веселый, и хорошо танцевал танго и вальс, и пел украинские песни деревенские. А тут к нему подошел дедушка совсем седенький и стал говорить: "Гриша, вы нас всех защищаете. Это хуже убийства, почему рабоче-крестьянская власть такое против крестьянства делает, чего царь не делал..." Гришка пихнул его, а потом пошел к колодцу руки мыть, сказал людям: "Как я буду ложку рукой брать, когда я этой паразитской морды касался".

А пыль - и ночью и днем пыль, пока хлеб везли. Луна вполнеба, и от этой луны все диким кажется, и жарко так ночью, как под овчиной, и поле, хоженое-перехоженное, как смертная казнь, страшное.

И люди стали какие-то растерянные, и скотина какая-то дикая, пугается, мычит, жалуется, и собаки выли сильно по ночам. И земля потрескалась.

Ну вот, а потом осень пришла, дожди, а потом зима снежная. А хлеба нет.

И в райцентре не купишь, потому что карточная система. И на станции не купишь, в палатке, - потому что военизированная охрана не подпускает. А коммерческого хлеба нет.

С осени стали нажимать на картошку, без хлеба быстро она пошла. А к рождеству начали скотину резать. Да и мясо это на костях, тощее.

Курей порезали, конечно. Мясо быстро подъели, а молока глоточка не стало, во всей деревне яичка не достанешь. А главное - без хлеба. Забрали хлеб у деревни до последнего зерна. Ярового нечем сеять, семенной фонд до зернышка забрали. Вся надежда на озимый. Озимые под снегом еще, весны не видно, а уж деревня в голод входит. Мясо съели, пшено, что было, подъедают вчистую, картошку, у кого семьи большие, съели всю.

Стали кидаться ссуды просить - в сельсовете, в район. Не отвечают даже. А доберись до района, лошадей нет, пешком по большаку девятнадцать километров.

Ужас сделался. Матери смотрят на детей и от страха кричать начинают. Кричат, будто змея в дом вползла. А эта змея - смерть, голод. Что делать? А в голове у селян только одно - что бы покушать. Сосет, челюсти сводит, слюна набегает, все глотаешь ее, да слюной не накушаешься. Ночью проснешься, кругом тихо: ни разговору, ни гармошки. Как в могиле, только голод ходит, не спит. Дети по хатам с самого утра плачут - хлеба просят. А что мать им даст - снегу? А помощи ни от кого. Ответ у партийных один - работать надо было, лодырничать не надо было. А еще отвечали: у себя самих поищите, в вашей деревне хлеба закопано на три года.

Но зимой еще настоящего голода не было. Конечно, вялые стали, животы вздуло от картофельных очистков, но опухших не было.

Стали желуди из-под снега копать, сушили их, а мельник развел жернова пошире, молол желуди на муку. Из желудей хлеб пекли, — вернее, лепешки. Они темные очень, темнее ржаного хлеба. Кое-кто добавлял отрубей или картофельных очистков толченых. Желуди быстро кончились - дубовый лесок небольшой, а в него сразу три деревни кинулись. А приехал из города уполномоченный и в сельсовете говорил нам: вот паразиты, из-под снега голыми руками желуди таскают, только бы не работать.

В школу старшие классы почти до самой весны ходили, а младшие зимой перестали. А весной школа закрылась - учительница в город уехала. И с медпункта фельдшер уехал - кушать стало нечего. Да и не вылечишь голода лекарством. Деревня одна осталась - кругом пустыня и голодные в избах. И представители разные из города ездить перестали - чего ездить? Взять с голодных нечего, значит, и ездить не надо. И лечить не надо, и учить не надо. Раз с человека держава взять ничего не может, он становится бесполезный. Зачем его учить да лечить?

Одни остались, отошло от голодных государство. Стали люди по деревне ходить, просить друг у друга, нищие у нищих, голодные у голодных. У кого детей поменьше или одинокие, у таких кое-что к весне оставалось, вот многодетные у них и просили. И случалось, давали горстку отрубей или картошек парочку. А партийные не давали - и не от жадности или по злобе: боялись очень. А государство зернышка

голодным не дало, а оно ведь на крестьянском хлебе стоит. Неужели Сталин про это не знал? Старики рассказывали: голод бывал при Николае - все же помогали, и в долг давали, и в городах крестьянство просило Христа ради, и кухни такие открывали, и пожертвования студенты собирали. А при рабоче-крестьянском правительстве зернышка не дали, по всем дорогам заставы - войска, милиция, НКВД - не пускают голодных из деревень, к городу не подойдешь, вокруг станций охрана, на самых малых полустанках охрана. Нету вам, кормильцы, хлеба. А в городе по карточкам рабочим по восемьсот грамм давали. Боже мой, мыслимо ли это - столько хлеба - восемьсот грамм! А деревенским детям ни грамма. Вот как немцы - детей еврейских в газу душили: вам не жить, вы жида. А здесь совсем не поймешь - и тут советские, и тут советские, и тут русские, и тут русские, и власть рабоче-крестьянская, — за что же эта гибель?

А когда снег таять стал, вошла деревня по горло в голод.

Дети кричат, не спят: и ночью хлеба просят. У людей лица, как земля, глаза мутные, пьяные. И ходят сонные, ногой землю щупают, рукой за стенку держатся. Шатает голод людей. Меньше стали ходить, все больше лежат. И все им мерещится - обоз скрипит, из райцентра прислал Сталин муку - детей спасать.

Бабы крепче оказались мужчин, злее за жизнь цеплялись. А досталось им больше - дети

кушать у матерей просят. Некоторые женщины уговаривают, целуют детей: "Ну не кричите, терпите, где я возьму?" Другие как бешеные становятся: "Не скули, убью!" - и били чем попало, только бы не просили. А некоторые из дому выбегали, у соседей отсиживались, чтобы не слышать детского крика.

К этому времени кошек и собак не осталось - забили. И ловить их было трудно - они опасались людей, глаза дикие у них стали. Варили их, жилы одни сухие, из голов студень вываривали.

Снег стоял, и пошли люди опухать, пошел голодный отек - лица пухлые, ноги как подушки, в животе вода, мочатся все время - на двор не успевают выходить. А крестьянские дети: видел ты, в газете печатали - дети в немецких лагерях? Одинаковы: головы, как ядра, тяжелые, шеи тонкие, как у аистов, на руках и на ногах видно, как каждая косточка под кожей ходит, как двойные соединяются, весь скелет кожей, как желтой марлей, затянут. А лица у детей старенькие, замученные, словно младенцы семьдесят лет на свете уж прожили, а к весне уж не лица стали: то птичья головка с клювиком, то лягушечья мордочка - губы тонкие, широкие; третий как пескарик - рот открыт. Нечеловеческие лица, а глаза, господи! Товарищ Сталин, боже мой, видел ты эти глаза? Может быть, и в самом деле он не знал, он ведь статью написал про головокружение.

Чего только не ели - мышей ловили, крыс ловили, галок, воробьев, муравьев, земляных червей копали, стали кости на муку толочь, кожу, подошву, шкуры старые вонючие на лапшу резали, клей вываривали. А когда трава поднялась, стали копать корни, варить листья, почки, все в ход пошло - и одуванчик, и лопух, и колокольчики, и иван-чай, и сныть, и борщевик, и крапива, и очиток... Липовый лист сушили, толкли на муку, но у нас липы мало было. Лепешки из липы зеленые, хуже желудовых.

А помощи нет! Да тогда уж не просили! Я и теперь, когда про это думать начинаю, с ума схожу, - неужели отказался Сталин от людей? На такое страшное убийство пошел. Ведь хлеб у Сталина был. Значит, нарочно убивали голодной смертью людей. Не хотели детям помочь. Неужели Сталин хуже Ирода был? Неужели, думаю, хлеб до зерна отнял, а потом убил людей голодом. Нет, не может такого быть! А потом думаю: было, было! И тут же - нет, не могло того быть!

Вот когда еще не обессилели, ходили полем к железной дороге, не на станцию, на станцию охрана не допускала, а прямо на пути. Когда идет скорый поезд Киев - Одесса, на колени становятся и кричат: хлеба, хлеба! Некоторые своих страшных детей поднимают. И, случалось, бросали люди куски хлеба, объедки разные. Пыль уляжется, отгрохочет, и ползает деревня вдоль пути, корки ищет. Но потом вышло распоряжение, и когда поезд через

голодные области шел, охрана окна закрывала и занавески спускала. Не допускала пассажиров к окнам. Да и сами деревенские ходить перестали - сил не стало не то что до рельсов дойти, а из хаты во двор выползти.

Я помню, один старик принес председателю кусок газеты, подобрал его на путях. И там заметка: француз приехал, министр знаменитый, и его повезли в Днепропетровскую область, где самый страшный мор был, еще хуже нашего, там люди людей ели, и вот в село его привезли, в колхозный детский садик, и он спрашивает: "Что вы сегодня на обед кушали?", а дети отвечают: "Куриный суп с пирожком и рисовые котлеты". Я сама читала, вот как сейчас вижу этот кусок газеты. Что ж это? Убивают, значит, на тихаря миллионы людей и весь свет обманывают! Куриный суп, едят! Котлеты! А тут червей всех съели. А старик председателю сказал: при Николае на весь свет газеты про голод писали - помогите, крестьянство гибнет. А вы, ироды, театры представляете!

Завыло село, увидело свою смерть. Все деревней выли - не разумом, не душой, а как листья от ветра шумят или солома скрипит. И тогда меня зло брало - почему они так жалобно воют, уж не люди стали, а кричат так жалобно. Надо каменной быть, чтобы слушать этот вой и свой пайковый хлеб кушать. Бывало, выйду с пайкою в поле, и слышно: воют. Пойдешь дальше, вот-вот, кажется, стихло, пройду еще, и опять слышнее становится, - это уж соседняя

деревня воет. И кажется, вся земля вместе с людьми завывала. Бога нет, кто услышит?

Мне один НКВД сказал: "Знаешь, как в области ваши деревни называют: "кладбища суровой школы". Но я сперва не поняла этих слов. А погода какая стояла хорошая! В начале лета шли дожди, такие быстрые, легкие, солнце жаркое вперемешку с дождем, - и от этого пшеница стеной стояла, топором её руби, и высокая, выше человеческого роста. В это лето радуги сколько я нагладелась, и грозы, и дождя теплого, цыганского.

Гадали все зимой, будет ли урожай, стариков расспрашивали, приметы перебирали - вся надежда была на озимую пшеницу. И надежда оправдалась, а косить не смогли. Зашла я в одну избу. Люди лежат - то ли еще дышат, то ли уже не дышат, кто на кровати, кто на печке, а хозяйская дочь, я ее знала, лежит на полу в каком-то беспамятстве и зубами грызет ножку у табуретки. И так страшно это - услышала она, что я вошла, не оглянувшись, а заворчала, как собаки ворчат, если к ним подходят, когда они кость грызут.

Пошел по селу сплошной мор. Сперва дети, старики, потом средний возраст. Вначале закапывали, потом уж не стали закапывать. Так мертвые и валялись на улицах, во дворах, а последние в избах остались лежать. Тихо стало. Умерла вся деревня. Кто последним умирал, я не знаю. Нас, которые в правлении работали, в город забрали.

Попала я сперва в Киев. Стали как раз в эти дни коммерческий хлеб давать. Что делалось! Очереди по полкилометра с вечера становились. Очереди, знаешь, разные бывают - в одной стоят, посмеиваются, семечки грызут, в другой номера на бумажках списывают, в третьей, где не шутят, на ладони пишут либо на спине мелом. А тут очереди особые - я таких больше не видела. Друг дружку обхватывают за пояс и стоят один к одному. Если кто оступится, всю очередь шатнет, как волна по ней проходит. И словно танец начинается - из стороны в сторону. И все сильнее качаются. Им страшно, что не хватит силы за передового цепляться и руки разожмутся, и от этого страха женщины кричать начинают, и так вся очередь воет, и кажется, они с ума посходили - поют да танцуют. А то шпана в очередь врывается: смотрят, где цепь легче порвать. И когда шпана подходит, все снова воют от страха, а кажется, что они поют. В очереди за коммерческим хлебом стоял народ городской - лишенцы, беспаспортные, ремесло, - либо пригородные.

А из деревни ползет крестьянство. На вокзалах оцепление, все составы обыскивают. На дорогах всюду заставы - войска, НКВД, а все равно добираются до Киева - ползут полем, целиной, болотами, лесочками, только бы заставы миновать на дорогах. На всей земле заставы не поставишь. Они уж ходить не могут, а только ползут. Народ спешит по своим делам, кто на работу, кто в кино, трамваи ходят, а голодные

среди народа ползут - дети, дядьки, дивчины, - и кажется, это не люди, какие-то собачки или кошечки паскудные на четвереньках. А оно еще хочет по-человечески, стыд имеет, дивчина ползет опухшая, как обезьяна, скулит, а юбку поправляет, стыдается, волосы под платок прячет - деревенская, первый раз в Киев попала. Но это счастливые доползли, один на десять тысяч. И все равно им спасения нет - лежит голодный на земле, шипит, просит, а кушать он не может, краюшка рядом, а он уже ничего не видит, доходит.

По утрам ездили платформы, битюги, собирали которые за ночь умерли. Я видела одну платформу - дети на ней сложены. Вот как я говорила - тоненькие, длинненькие, личики, как у мертвых птичек, клювики острые. Долетели эти пташки до Киева, а что толку? А были среди них - еще пищали, головки, как налитые, мотаются. Я спросила возчика, он рукой махнул: пока довезу до места - притихнут. Я видела: дивчина одна поползла поперек тротуара, ее дворник ногой ударил, она на мостовую скатилась. И не оглянулась даже, ползет быстро, быстро, старается, откуда еще сила. И ещё платье отряхивает, запылилось, видишь. А я в этот день газету московскую купила, прочла статью Максима Горького, что детям нужны культурные игрушки. Неужели Максим Горький не знал про тех детей, что битюги на свалку вывозили, - им, что ли, игрушки? А может быть, он знал? И так же молчал, как все молчали. И так

же писал, как те писали, - будто эти мертвые дети едят куриный суп. Мне этот ломовой сказал: больше всего мертвых возле коммерческого хлеба: сжует опухший кусочек — и готов. Запомнился мне Киев этот, хоть я там всего три дня пробыла.

Вот что я поняла. Вначале голод из дому гонит. В первое время он, как огонь, печет, терзает, и за кишки, и за душу рвет, - человек и бежит из дому. Люди червей копают, траву собирают, видишь, даже в Киев прорывались. И всё из дому, всё из дому. А приходит такой день, и голодный обратно к себе в хату заползает. Это значит - осилил голод, и человек уж не опасается, ложится на постель и лежит. И раз человека голод осилил, его не подымешь, и не только оттого, что сил нет, - нет ему интереса, жить не хочет. Лежит себе тихо - и не тронь его. И есть голодному не хочется, мочится все время и понос, и голодный становится сонный, не тронь его, только бы тихо было. Лежат голодные и доходят. Это рассказывали и военнопленные - если ложится пленный боец на нары, за пайкой не тянется, значит, конец ему скоро. А на некоторых безумие находило. Эти уж до конца не успокаивались. Их по глазам видно - блестят. Вот такие мертвых разделявали и варили, и своих детей убивали и съедали. В этих зверь поднимался, когда человек в них умирал. Я одну женщину видела, в райцентр ее привезли под конвоем - лицо человеческое, а глаза волчьи. Их, людоедов, говорили, расстреливали

всех поголовно. А они не виноваты, виноваты те, что довели мать до того, что она своих детей ест. Да разве найдешь виноватого, кого ни спроси. Это ради хорошего, ради всех людей матерей довели.

Я тогда увидела - всякий голодный, он вроде людоед. Мясо сам с себя объедает, одни кости остаются, жир до последней капельки. Потом он разумом темнеет - значит, и мозги свои съел. Съел голодный себя всего.

Еще я думала - каждый голодный по-своему умирает. В одной хате война идет, друг за другом следят, друг у дружки крохи отнимают. Жена на мужа, муж против жены. Мать детей ненавидит. А в другой хате любовь нерушимая. Я знала одну такую, четверо детей, - она и сказки им рассказывает, чтобы про голод забыли, а у самой язык не ворочается, она их на руки берет, а у самой уж силы нет пустые руки поднять. А любовь в ней живет. И замечали люди - где ненависть, там скорей умирали. Э, да что любовь: тоже никого не спасла, вся деревня поголовно легла. Не осталось жизни.

Я узнала потом - тихо стало в деревне нашей. И детей не слышно. Там уж ни игрушек, ни супа куриного не надо. И не выли. Некому. Узнала, что пшеницу войска косили, только красноармейцев в мертвую деревню не допускали, в палатках стояли. Им объясняли, что эпидемия была. Но они жаловались, что от деревень запах ужасный шел. Войска и озимые посеяли. А на следующий год привезли

переселенцев из Орловской области - земля ведь украинская, чернозем, а у орловских всегда недород. Женщин с детьми оставили возле станции в балаганах, а мужчин повели в деревню. Дали им вилы и велели по хатам ходить, тела вытаскивать - покойники лежали, мужчины и женщины, кто на полу, кто на кроватях. Запах страшный в избах стоял. Мужики себе рты и носы платками завязывали - стали вытаскивать тела, а они на куски разваливаются. Потом закопали эти куски за деревней. Вот тогда я поняла - это и есть кладбище суровой школы. Когда очистили от мертвых избы, привели женщин полы мыть, стены белить. Все сделали, как надо, а запах стоит. Второй раз побелили и полы наново глиной мазали - не уходит запах. Не смогли они в этих хатах ни есть, ни спать, вернулись в Орловскую обратно. Но, конечно, земля пустой не осталась - земля ведь какая!

И словно не жили. А многое чего было. И любовь, и жены от мужей уходили, и дочерей замуж отдавали, и дрались пьяными, и гости приезжали, и хлеб пекли... А работали как! И песни спевали. И дети в школу ходили... И кинопередвижка приезжала, - самые старые, и те ходили картины смотреть.

И ничего не осталось. А где же эта жизнь, где страшная мука? Неужели ничего не осталось? Неужели никто не ответит за это все? Вот так и забудется без следа? Травка выросла.

Вот я тебя спрашиваю: как же это?

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции

Вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

Предупреждение Глеба сбылось на следующий же день, — бес в нем сидит или заранее знал?

Утром, когда Саша умывался, к нему вышла хозяйка.

- Александр Павлович, вчера приходили с избирательного участка, с ними паспортистка из домоуправления. Составляют списки по выборам в Верховный Совет. Читали, наверно, в газетах, в декабре будут всенародные выборы.

- Читал, конечно, знаю.

Опять, как когда-то, противно и тревожно заныло сердце.

- Составляют они списки жильцов. - Голос у хозяйки был нудный, монотонный. - Чтобы все обязательно проголосовали, все сто процентов. Я вас записала - Панкратов Александр Павлович, артист, по направлению Гастрольбюро. А паспортистка меня обрывает: "Никакого направления из Гастрольбюро вы мне на него не давали". Александр Павлович, я запомнила, давали вы мне направление?

Саша замялся.

- Не помню... Какую-то бумажку оттуда мы, кажется, приносили, когда пришли с моим товарищем в первый раз.

- Может, я куда-то засунула, совсем без памяти стала. Но дело поправимое. Случалось, я направление теряла, бывало, жильцы протаскают в кармане и тоже теряют. Мария Константиновна всегда копию давала, и еще: вам велели зайти с паспортом на избирательный участок, тут недалеко, в школе.

- А если я до выборов уеду?

- Они вам все объяснят, открепительный талон дадут.

Хотел хотя бы на время душевного спокойствия: никуда не ходить, не объясняться, не унижаться. И вот расплата. В газетах пишут о предстоящих выборах как о великом торжестве советской демократии. Выдвигаются кандидаты в депутаты "от блока коммунистов и беспартийных" - "достойные сыны и дочери советского народа". Первым кандидатом называют товарища Сталина. Все это Саша читал каждый день, где-то копошилась мысль, что выборы могут быть чреватые неприятностями для него, но отгонял эту мысль и дождался. Дурак, не послушался

тогда Глеба, уехал бы с ним из Калинина, осталась бы в паспорте калининская прописка. А теперь на избирательном участке начнутся выяснения, и хозяйку подведет - держала три месяца человека без прописки, и Марии Константиновне в Гастрольбюро достанется - взяла на учет. Что же делать? Не сходить ли к брату Вериного мужа, он давний житель Уфы, может, посоветует что-нибудь.

Его встретила женщина в старом капоте, с испуганными глазами.

Саша представился, добавил:

- Вера Александровна писала вам обо мне и звонила Сергею Петровичу.

- Нет, нет. - Женщина замотала головой. - Сергея Петровича нет, он уехал, надолго, не знаю, когда вернется.

Не предложила сесть, мотала головой, хотела, видно, только одного - поскорее захлопнуть за Сашей дверь.

Саша ушел. Побоялись, наверно, принять его, судимого.

Когда в воскресенье он позвонил в Москву, мама сказала:

- Ты по Вериному адресу не ходи, ее деверь в больнице, надолго.

Саша понял, Верин родственник арестован, потому так перепугана его жена. Рядовой инженер, отец троих детей, и его посадили.

Все это выяснилось в воскресенье, а в тот день вечером Саша сказал Глебу:

- Ты оказался прав.

- Что случилось, дорогуша?

Саша передал разговор с хозяйкой.

- Влип ты, дорогуша, - заулыбался Глеб, - как башкиры говорят: "Ошибку давал, вместо "караул" "ура" кричал".

- Уеду завтра из Уфы, иначе за горло возьмут. Конечно, я виноват, подвожу и хозяйку, и Марию Константиновну, и Семена, но что делать?

- Чем ты их подводишь? - Глеб насмешливо смотрел на него.

- Я уеду, а им расхлебывать эту историю.

- Все о других печешься. - Глеб смотрел все так же насмешливо. - О человечестве, как бы кого не подвести... Человечество о себе само позаботится, у тебя совета не спросит.

- Я не понимаю, о чем ты говоришь.

- Все о том же. "Им расхлебывать". А чего им расхлебывать?! Подумаешь, приехал какой-то танцор-плясун-гастролер, проболтался, даже не прописался и укатил... Привет с Анапы! Отплясал свое. Таких перекаати-поле, дорогуша, десятки. Кто будет твое дело расследовать, кому ты нужен? Домоуправление само прохлопало, три месяца человек жил без прописки. Мария Константиновна? Ну, скажет Семену: "Каких вы несолидных людей держите!" Тоже ведь прозевала. И все. Уедешь - никого не подведешь. Кроме себя, конечно, что будешь делать на новом месте? Хоть и падают на тебя девки, но ведь не сразу попадешь на такую, чтобы в деле помогла. Нет, дорогуша, если ты уедешь, им нечего будет расхлебывать. А вот если останешься, тогда им придется мозгами шевельнуть, и Семену, и Машеньке нашей красавице Константиновне: надо им что-то с тобой делать, надо им свой промах исправлять.

- Это неприемлемо: присутствует элемент шантажа.

- Вот-вот, дорогуша, это интеллигентство гнилое в тебе говорит, чистоплюйство твое! Уехать всегда успеешь, надо здесь все шансы испробовать. Семену ты нужен, ты в Уфе знаменитость, Семен заключает договор, а там просят: пришлите нам того чернявого, что во Дворце труда занятия ведет, вот какая о

тебе слава пошла... И я тебе сам скажу - не ожидал! Когда ты делаешь первый шаг и так это протяжно говоришь: "И... раз!", то это твое "и" тянет всех за собой. Что же, Семен тебя отпустит, а сам будет бегать по группам? Думаешь, он на палочку опирается для форсу, для солидности? У него ноги плохо ходят, он только на первом занятии таким фертом выглядит, а потом два дня отлеживается. Разве он вытянет по шесть часов в день? И замены тебе нет. Значит, он должен твое дело уладить. Договорится с Марией Константиновной, не беспокойся! Она с Семеном повязана, никуда не денется и все может. Давеча одному обормоту квартиру с пропиской устроила, с временной, правда, пропиской, но тебе какая разница, тебе важно три месяца прикрыть. Ляпнут в милиции штамп, и катись к едрене фене. Поговори с Семеном, все начистоту выложи, он мужик ушлый, сделает, как надо.

Все произошло так, как и предполагал Глеб. Семен Григорьевич взял Сашин паспорт и вернул на другой день с двумя направлениями, копию Сашиной хозяйке, а другое - по новому адресу, с добавлением: "Просьба прописать временно". Саша съездил, посмотрел квартиру: убогий домишко на окраине Уфы, на огородах, грязь непролазная, осенняя. Хозяйка, шустрая старушка, показала ему каморку с деревянным топчаном вместо

кровати и гвоздем на двери вместо шкафа, взяла паспорт, направление и деньги за месяц вперед. Это жалкое жилище стоило вдвое дороже комнаты в центре - цена прописки.

Оставаться в этой халупе, мотаться сюда каждую ночь после занятий Саша не собирался. Прописка есть, и жить он может теперь где пожелает. Повесил на гвоздь старый костюм, плащ, зимой уже не нужный, засунул под топчан сношенные туфли, положил на табуретку возле окна зубную щетку - придал видимость жилья. Сходил на избирательный участок, предстал перед очами членов избирательной комиссии, их там было трое, проверили паспорт, внесли в списки, вручили приглашение на голосование, без всякой надобности сверлили Сашу недобрыми глазами, говорили казенно.

И сразу всплыло в памяти, как у них дома, в Москве, в начале тридцать третьего года получали паспорта... В домоуправлении толпились жильцы, волновались, запомнились две старушки, тряслись от страха, боялись подойти к столу, за которыми сидели милицейский чин, паспортистка и худющий пожилой тип - представитель общественности. Каждый жилец держал в руках заполненную анкету, выкладывал ее на стол вместе с метрикой и справкой с работы. Милицейский чин их рассматривал, если что-то было непонятно, возвращал, требовал принести другие. Если же документы были в порядке, выдвигал ящик стола, сверялся с лежащим там

списком, накладывал на анкету резолюцию и передавал паспортистке.

Саша не понимал тогда, почему эта процедура вызывает у кого-то тревогу и волнение: преступников тут нет, прожили в этом доме жизнь, многих Саша знал с детства. Перед ним в очереди стоял Гурцев, его Саша тоже знал с детства, вежливый интеллигентный человек, муж известной балерины, умершей год назад. Саша помнил ее пышные похороны. Гурцев в черном пальто шел за гробом. Они не были близко знакомы, но здоровались как люди, часто встречающиеся друг друга во дворе, на лестнице, в лифте. Гурцев выложил документы, милицкий чин их просмотрел, взглянул на список в ящике стола, положил документы Гурцева в отдельную папку.

- Явитесь завтра в одиннадцать часов в восьмое отделение милиции.

- Позвольте... - начал Гурцев.

- Гражданин, я вам все объяснил. Следующий!

- Но я хотел бы знать...

- Все там узнаете. Следующий!

Как рассказывала потом мама, Гурцеву паспорт не выдали, приказали покинуть Москву: его отец до революции был

фабрикантом. Отказали в паспортах еще нескольким семьям в их доме. И тем двум старушкам отказали. Говорили, что "беспаспортные" выехали на сто первый километр.

Почему же он тогда молчал, не возмущался? А когда самого коснулось, задумался.

Саша жил у Глеба. Поставили раскладушку, добавили хозяйке тридцатку. В свою халупу Саша являлся раз в неделю, обычно в воскресенье утром, на 7 ноября принес торт - праздничный подарок, старушка обрадовалась: "Люблю слатенькое", - почему не ночует, не спрашивала, привыкла к тому, что жильцы не ночуют, только ближе к декабрю каждый раз напоминала, чтобы пришел голосовать, иначе неприятностей не оберешься, ее на этот счет строго предупредили, и пришел бы пораньше, грозились после двенадцати дня ходить по квартирам, собирать тех, кто не явился.

Глеб тоже предупредил насчет выборов:

- Не вздумай вычеркивать, у них все бюллетени меченые. Сразу опознают.

Саша, естественно, не вычеркнул единственного кандидата, даже фамилию его не запомнил и в кабину не зашел, она стояла в другом конце зала: зайдешь — подумают, что хочешь вычеркнуть... Прошел мимо натыканых на каждом углу "общественников" к урне, опустил бюллетень.

Все так поступали. Не было ничего удивительного в том, что за "блок коммунистов и беспартийных" проголосовало 98,6 процента избирателей. И не удивили слова Сталина на предвыборном собрании: "Никогда в мире еще не было таких действительно свободных и действительно демократических выборов, никогда! История не знает такого примера..." Удивило только, откуда взялись почти полтора процента голосовавших против.

(продолжение предполагается)

ТЕОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ К "ТАЙНОЙ ДОКТРИНЕ"

Составлен Дж. Мидом

*Перевод с английского А.П. Хейдока**

Перевод осуществлен по изданиям:

1. H.P. Blavatsky. The Secret Doctrine. Ind. to vols. 1 and 2. -- London ets., Theosophical publ., 1895.
2. H.P. Blavatsky. The Theosophical glossary. -- London, 1892.

От редактора. Этот огромный словарь мы продолжаем публиковать в том виде, в каком его получили, то есть со всеми имеющимися ошибками (исправить их — гигантская работа...) и невозможностью удовлетворительно оформить текст. Мы также намеренно печатаем его мелким шрифтом, чтобы читатель не упрекнул нас, что журнал мы заполняем не статьями современных авторов по практически нужным вопросам (как обещали), а неинтересным для многих материалом. Кроме того, так как исходный язык английский, то в публикуемом переводе (а) строгое алфавитное расположение терминов по-русски невозможно, и (б) вклиниваются термины на совсем другие буквы. Поэтому рекомендуем читать всё подряд. Желаем успеха.

* Продолжение. Начало в № 5.

М.

М. - Тринадцатая буква английского и еврейского алфавитов и двадцать четвертая в арабском. В римских цифрах эта буква означает 1000, а с чертой над ней (M) - миллион. В еврейском алфавите Мем символизировало воду, а в качестве числа было эквивалентно 40. Санскритское ма эквивалентно числу 5, и также связано с водой через знак Зодиака, называемый Макара (см.) Кроме того, в еврейских и латинских цифрах м представляет "определенное числительное для неопределимого числа" (Маккензи, "Mason. Сус."), и "еврейское священное название Бога, относимое к этой букве, есть Меборах, Бенедиктус". У Эзотериков М есть символ Высшего Эго - Манаса, Ума.

МА (Санскр.) Букв., "пять". Одно из имен Лакшми.

МА, Мут (Египет.) Богиня низшего мира, другая форма Изиды, так как она есть природа, вечная мать. Она была владычицей и Правительницей Северного ветра, предвестника разливов Нила, потому названного "открывающим ноздри живому". Ее изображают приносящей анкх или крест, эмблему физической жизни, своим поклонникам, и называют "Госпожой Неба".

МАХАГИСТИЯ Магия, как ее некогда преподавали в Персии и Халдее, и поднятая в ее оккультных применениях до религио-магизма. Платон, говоря о Махагистии или Магизме, замечает, что это есть чистейшая форма культа божественных вещей.

МАКРОКОСМ (Греч.) Буквально - "Великая Вселенная" или Космос.

МАКРОПРОСОПУС (Греч.) Каббалистический термин, образованный из составного греческого слова, означающий Огромное или Большое Лицо (см. "Каббалистические Лики"); название Кэтер, Венца, высшей Сефиры. Это есть наименование Вселенной, называемой Арик-Анпин, - то целое, от которого Микропросопус или Зауир-Анпин, "меньшее лицо", есть часть и его противоположность. В своем высшем или абстрактном метафизическом смысле Микропросопус есть Адам Кадмон, проводник Эйн-Софа и венец Древа Сефиротов, хотя, поскольку Сефира и Адам Кадмон фактически есть одно в двух аспектах, то это ведет к тому же. Интерпретаций много и они различны.

МАДХАСАДАНА или Мадху-Судана (Санскр.) "Сразивший Мадху" (демона), титул Кришны в связи с умерщвлением им последнего.

МАДХАВА (Санскр.) 1) Имя Вишну или Кришны; 2) месяц апрель; 3) титул Лакшми, когда пишется Мадхави.

МАДХЬЯ (Санскр.) Десять тысяч биллионов.

МАДХЬЯМА (Санскр.) Употребляется по отношению к чему-то безначальному и бесконечному. Так, считается, что Вак (Звук, женский Логос, или женская копия Браммы), существует в нескольких состояниях, одно из которых есть состояние Мадхьямы, - что равносильно утверждению, что Вак вечна в одном смысле: "Слово (Вак) было с Богом и в Боге", ибо эти двое суть одно.

МАДХЬЯМИКИ (Санскр.) Секта, упомянутая в "Вишну Пуране". Согласно востоковедам, "буддийская" секта, но это анахронизм. В начале это была, вероятно, секта индусских атеистов. Более поздняя школа под этим названием, обучавшая системе софистического нигилизма, который сводит каждое утверждение к тезису и его антитезису, а затем отрицает оба, возникла в Тибете и Китае. Она принимает несколько принципов Нагарджуны, который был одним из основателей эзотерических систем Махаяны, но не их эзотерических пародий. Аллегория, рассматривающая "Парамартху" Нагарджуны как дар Нагов (Змиев), доказывает, что он получил свои учения от тайной школы адептов, и что настоящие доктрины хранятся, следовательно, в тайне.

МАГАС (Санскр.) Жрецы Солнца, упомянутые в "Вишну Пуране". Они суть позднее маги Халдеи и Ирана, предки современных парсов.

МАГАДХА (Санскр.) Древняя страна в Индии, управлялась царями-буддистами.

МАГ или Magian. От Маг или Маха. Это слово есть корень английского слова magician. Маха-атма (великая Душа или Дух) в Индии имел своих жрецов в до-ведийские времена. Маги были жрецами бога огня; мы встречаем их среди ассирийцев и вавилонян, а также среди персидских огнепоклонников. Три Волхва, названные также царями, про которых говорится, что они принесли дары - золото, благовония и мирру - младенцу Иисусу, были огнепоклонниками, подобно остальным, и астрологами, ибо они узрели его звезду. Верховный жрец парсов в Сурате зовется Мобед. Другие производят

это слово от Мегх, а Мех-аб означает нечто великое и благородное. Ученики Зороастра, согласно Клэузеру, именовались мегхестом.

МАГИ (Лат.) Название древних наследственных жрецов и ученых адептов в Персии и Мидии, слово, происшедшее от Маха, большой, что позднее стало мог или маг, жрец - на языке пехлеви. Порфирий описывает их ("Abst." IV, 16) следующим образом: "Ученые люди, которые у персов заняты служением Божеству, зовутся магами", а Свидас сообщает, что "среди персов любителей мудрости (philalethai) называют магами". "Зендавеста" (II, 171, 261) разделяет их на три степени: 1) Хербеды или "Ученики"; 2) Мобеды или "Учителя"; 3) Дестур Мобеды или "Совершенные Учителя". Халдеи имели подобные школы, также как и египтяне, так что Дестур Мобеды были идентичны с Иерофантами Мистерий, практиковавшихся в Греции и Египте.

МАГИЯ Великая "Наука". Согласно Девериа и другим востоковедам, "магия считалась священной наукой, неотделимой от религии" у древнейших и самых цивилизованных и ученых народов. Египтяне, например, были одним из наиболее искренне религиозных народов, и таким были и все еще являются индусы. "Магия заключается в поклонении богам и достигается поклонением им", говорил Платон. Могла ли тогда нация, которая, как доказано благодаря неопровержимым свидетельствам надписей и папирусов, твердо верила в магию на протяжении тысячелетий, быть столь долгое время обманываема. И могло ли быть, что поколение за поколением ученой и благочестивой иерархии, многие из которых вели жизнь самоистязания, святости и аскетизма, продолжало бы обманывать себя и народ или хотя бы только последний, ради удовольствия сохранить веру в "чудеса"? Фанатики, нам говорят, сделают все, чтобы навязать веру в своего бога или идолов. На это мы отвечаем: в таком случае, брамины и египетские рекгетамены (см.) или Иерофанты не стали бы популяризировать веру в способность человека посредством магической практики управлять услугами богов - которые, в действительности, суть ничто иное, как оккультные силы или потенции Природы, - воплощенные в самих этих ученых жрецах, - в которых они почитали лишь свойства неизвестного и безымянного Принципа. Как искусно формулирует это Прокл Платоник: "Древние жрецы, приняв во внимание, что в природных вещах заключено некое сродство и симпатия одной вещи к другой, и между вещами проявленными и оккультными силами, и обнаружив, что все вещи содержатся во всем, создали священную науку на основе этой взаимной симпатии и сходства... и использовали в оккультных целях как небесные, так и земные сущности, с помощью которых, посредством определенного сходства, они низводили божественные силы в это низшее жилище." Магия является наукой общения с божественными, надземными Силами и управления ими, так же как и власти над силами низших сфер; практическим знанием сокровенных

тайн природы, известных лишь немногим, ибо их так трудно постичь, не погрешив против природы. Древние и средневековые мистики подразделяли магию на три класса - Теургию, Гозтию и естественную Магию. "Теургия с древних времен была особой сферой теософов и метафизиков", говорит Кеннет Маккензи. Гозтия есть черная магия, а "естественная (или белая) магия вознеслась с целением в своих крыльях на величественную позицию точного и поступательного изучения". Комментарии, добавленные нашим покойным ученым Братом, замечательны. "Реалистические стремления наших времен содействовали навлечению на магию дурной славы и осмеяния. ...Вера (в самого себя) является существенным элементом магии; и существовала задолго до других идей, предполагающих ее наличие. Она заставляет, как утверждают, умного человека выглядеть глупцом; мысли человека должны быть взвинчены почти до сумасшествия, т.е. восприимчивость его мозга должна быть расширена далеко за пределы низкого, жалкого состояния современной цивилизации, прежде чем он сможет стать истинным магом; (ибо) занятия этой наукой требуют определенной степени изоляции и отказа от своего Я." Поистине великой изоляции, достижение которой представляет чудесный феномен, чудо само по себе. В то же время магия не есть нечто сверхъестественное. Как поясняет Ямблих, "они заявляли, что посредством жреческой теургии способны подниматься к более возвышенным и всемирным Сущностям, и к тем, которые утвердились над судьбой, т.е. к богу и демиургу: ни используя материю, ни присваивая что-либо помимо нее, кроме наблюдения за ощутимым временем." Некоторые уже начинают осознавать существование тонких энергий и воздействий в природе, о которых они до тех пор ничего не знали. Но как справедливо замечает д-р Картер Блейк, "девятнадцатое столетие не явилось свидетелем возникновения новых и завершения старых методов мышления"; к чему м-р Бонвик добавляет, что "если древние мало что знали о нашем методе исследования тайн природы, то мы знаем об их методе поиска еще меньше."

МАГИЯ, БЕЛАЯ или так называемая "Благотворная Магия", есть божественная магия, свободная от эгоизма, властолюбия, честолюбия или корысти, и направленная всецело на творение добра миру в целом и своему ближнему в частности. Малейшая попытка использовать свои сверхнормальные силы для своего удовольствия, превращает эти способности в колдовство и черную магию.

МАГИЯ, ЧЕРНАЯ (См. выше.)

МАГ (Magician). Этот термин, бывший некогда званием известности и отличия, теперь полностью лишен своего истинного значения. Некогда синоним всего уважаемого и чтимого, обладателя знания и мудрости, он унижен до эпитета, относимого к тому, кто является

притворщиком и фокусником, короче - к шарлатану, или же к тому, кто "продал свою душу дьяволу", кто злоупотребляет своим знанием и применяет его в низких и опасных целях, - согласно учениям духовенства и массе суеверных глупцов; верящих, что маг есть колдун и "Чародей". Это слово произошло от Магх, Мах, на санскрите Маха - большой; человек, сведущий в эзотерическом знании. ("Раз. Изида".)

МАГНА МАТЭР (Лат.) "Великая Мать". Название, дававшееся в древние времена всем главным богиням народов, таким как Диана из Эфесса, Изида, Маут и многим другим.

МАГНЭС Выражение, употреблявшееся Парацельсом и средневековыми теософами. Это есть дух света или Акаша. Слово, часто употреблявшееся средневековыми алхимиками.

МАГНЕТИЧЕСКОЕ МАСОНСТВО Называется также "Лечебным" масонством.

Оно описано как Братство Целителей (от *iatrike*, греческого слова, означающего "искусство исцеления"), и значительно используется "Братями Света", как Кеннет Маккензи утверждает в "Royal Masonic Cyclopedia". В некоторых тайных масонских сочинениях, по-видимому, существует предание - так, во всяком случае, говорит Рагон, крупный масонский авторитет - насчет степени Масонства, называемой Оракул Коса, "введенной в восемнадцатом веке, на том основании, что Кос был местом рождения Гиппократ". *iatrike* было отличительной чертой жрецов, которые присматривали за больными древних асклепиев, храмах, в которых бог Асклепий (Эскулап) якобы исцелял больных и калек.

МАГНЕТИЗМ Сила в природе и человеке. В первом случае он представляет посредник, вызывающий различные феномены притяжения, полярности и т.д. В последнем он становится "животным" магнетизмом, в противоположность космическому, и земным магнетизмом.

МАГНЕТИЗМ, Животный. В то время как официальная наука называет его "мнимым" посредником и полностью отрицает его реальность, несчетные миллионы древних, а также ныне живущие азиаты, оккультисты, теософы, спиритуалисты и всякого рода и вида мистики провозглашают его хорошо установленным фактом. Животный магнетизм есть флюид, эманация. Некоторые люди могут выделять его в целях врачевания через свои глаза и кончики пальцев, тогда как все остальные существа, человечество, животные и даже каждый неодушевленный предмет выделяют его или как ауру, или как

изменяющийся свет, сознательно или бессознательно. При воздействии через контакт с больным или посредством воли человека-оператора, его называют "Месмеризмом" (см.).

МАГНУМ ОПУС (Лат.) В Алхимии - конечное завершение, "Великий Труд" или Grand Oeuvre; изготовление "Философского Камня" и "Эликсира Жизни", который - хотя ни в коем случае не миф, как стали бы настаивать некоторые скептики - все же следует понимать символически, и который полон мистического значения.

МАГ (Magus) (Лат.) В Новом Завете это означает Мудрец, мудрый человек халдеев; в английском языке часто употребляется вместо Magician, чудотворец; в Розенкрейцерском обществе это титул самых высоких членов, IX-ой степени; Верховный Маг является Главой Ордена во "Внешнем"; Маги "Внутреннего" неизвестны никому, за исключением членов VIII-ой степени. (у.у.у.)

МАХА БУДДХИ (Санскр.) Махат. Разумная Душа Мира. Семь Пракрити, или семь "природ", или планов перечисляются начиная с Махабуддхи и вниз.

МАХА КОГАН (Санскр.) Руководитель духовной Иерархии или школы Оккультизма; глава Трансгималайских мистиков.

МАХА ДЭВА (Санскр.) Букв., "великий бог"; титул Шивы.

МАХА ГУРУ (Санскр.) Букв., "великий учитель". Посвящающий.

МАХАДЖВАЛА (Санскр.) Определенный ад.

МАХА КАЛА (Санскр.) "Великое Время". Имя Шивы как "Разрушителя", и Вишну как "Сохранителя".

МАХА КАЛЬПА (Санскр.) "Великий Век".

МАХА МАНВАНТАРА (Санскр.) Букв., большой промежуток между "Ману". Период вселенской деятельности. Манвантара означает здесь просто период деятельности, в противоположность Пралайе или отдыху, - безотносительно к длительности этого цикла.

МАХА МАЙА (Санскр.) Великая иллюзия проявленного. Эта вселенная, и все в ней в их взаимодействии, называется великой Иллюзией или Махамайей. Это есть также обычный титул, даваемый Беспорочной Матери Готамы Будды-Майадэви или "Великой Тайне", как она зовется Мистиками.

МАХА ПРАЛАЙА (Санскр.) Противоположность Махаманвантары, буквально - "великое Растворение", "Ночь", следующая за "Днем Браммы". Она представляет собой великий отдых и сон всей природы после периода активного проявления; ортодоксальные христиане относились бы к ней как к "Разрушению Мира".

МАХА ПАРИНИББАНА СУТТА (Пали.) Одно из самых авторитетных буддийских священных писаний.

МАХА ПУРУША (Санскр.) Высший или Великий Дух. Титул Вишну.

МАХА РАДЖИКИ (Санскр.) Гана или класс богов, общим числом в 236. Определенные Силы в эзотерических учениях.

МАХА СУНЬЯТА (Санскр.) Пространство или вечный закон; великая пустота или хаос.

МАХА ВИДИА (Санскр.) Великая эзотерическая наука. Лишь одни высшие Посвященные владеют этой наукой, которая охватывает почти всемирное знание.

МАХА ЙОГИН (Санскр.) "Великий аскет". Титул Шивы.

МАХА ЮГА (Санскр.) Совокупность четырех Юг или периодов, 4 320 000 солнечных лет; "День Браммы" в брахманистической системе; букв., "великий век".

МАХАБХАРАТА (Санскр.) Букв., "великая война"; прославленная эпическая поэма Индии (возможно длиннейшая поэма в мире), которая включает как "Рамаяну" так и "Бхагавад Гиту", "Песнь Небесную". Нет двух востоковедов, соглашающихся относительно времени ее происхождения. Но, несомненно, она чрезвычайно древняя.

ПЕРИОД МАХАБХАРАТЫ Согласно лучшим индусским комментаторам и свами Даянанде Сарасвати, 5000 лет до Р.Х.

МАХАБХАШЬЯ (Санскр.) Обширный комментарий к грамматике Панини, написанный Патанджали.

МАХАБХАУТИЧЕСКИЙ (Санскр.) Относящийся к Макрокосмическим принципам.

МАХАБХУТЫ (Санскр.) Грубые элементарные принципы материи.

МАХАРАДЖИ, Четыре (Санскр.) Четыре великий кармических божества, у северных буддистов помещенные в четырех странах света для наблюдения за человечеством.

МАХАР ЛОКА (Санскр.) Сфера, в которой во время Пралайи, согласно пураническим сказаниям, обитают Муни или "Святые". Это обычная обитель Бхриги, Праджapati (Прародителя) и Риши, одного из семи, о которых говорится как о со-существующих с Брамой.

МАХАСУРА (Санскр.) Великий Асура; экзотерически - Сатана, эзотерически - великий бог.

МАХАТ (Санскр.) Букв., "Великий". Первый принцип Всемирного Разума и Сознания. В пуранической философии - первый продукт первоприроды или Прадханы (то же, что Мулапракрити); создатель Манаса, мыслящего принципа, и Аханкары, эгоизма или чувства "я есмь я" (в низшем Манасе).

МАХАТМА (Санскр.) Букв., "великая душа". Адепт высшей степени. Возвышенные существа, которые, достигнув полной власти над своими низшими принципами, живут, таким образом, без препятствий со стороны "человека из плоти", и обладают знанием и силой, соответствующими той стадии, которую они достигли в своей духовной эволюции. На языке пали называются Рахатами и Архатами.

МАХАТМЬЯ (Санскр.) "Величие души", надпись на гробнице или каком-либо святом месте.

МАХАТОВАРАТ (Санскр.) Употребляется по отношению к Парабрахме; больший, чем самые большие сферы.

МАХАТТАТТВА (Санскр.) Первое из семи творений, названных в "Пуранах" соответственно: Махаттаттва, Чута, Индрия, Мукхья, Тирьяксрота, Урдхвасрота и Арваксрота.

МАХАРАГА (Санскр.) Маха урага, "великий змий" - Шеша или любые другие.

МАХАВАНСО (Пали.) Буддийское историческое сочинение, написанное бхикшу Моханамой, дядей Царя Дхатушмы. Авторитетный источник по истории Буддизма и его распространения на острове Цейлон.

МАХАЯНА (Пали.) Школа; букв., "большая колесница". Мистическая система, основанная Нагарджуной. Ее книги были написаны во втором веке до Р.Х.

МАЙТРЕЙЯ БУДДА (Санскр.) То же, что Калки Аватар Вишну (Аватар "Белого Коня"), и Сосиоша и других Мессий. Единственная разница заключается в датировке их появлений. Так, тогда как появление Вишну на белом коне ожидается в конце настоящего периода Кали Юги, "для окончательного уничтожения нечестивых, обновления творения и восстановления чистоты", Майтрейю ожидают раньше. Экзотерическое или популярное учение, слегка отличаясь от эзотерической доктрины, утверждает, что Шакьямуни (Готама Будда) навел его в Тушите (небесной обители) и поручил ему придти оттуда на землю в качестве своего преемника по истечении пяти тысячелетий после его (Будды) смерти. С нашего времени это было бы меньше, чем через 3000 лет. Эзотерическая философия учит, что следующий Будда появится в течение седьмой (под) расы этого Круга. Фактом является то, что Майтрейя был последователем Будды, известным Архатом, хотя и не прямым учеником его, и что он был основателем эзотерической философской школы. Как показал Эйтель ("Sanskrit-Chinese Dict."), "статуи в его честь воздвигались уже за 350 лет до Р.Х."

МАКАРА (Санскр.) "Крокодил". В Европе то же, что Козерог, десятый знак Зодиака. Экзотерически - мистический класс дэв. У индусов колесница Варуны, бога воды.

МАКАРА КЕТУ (Санскр.) Одно из имен Камы, индусского бога любви и желания.

МАКАРАМ или Панчакарам (Санскр.) В оккультном символизме пятиугольник, пятиконечная звезда, пять членов или конечностей человека. Крайне мистично.

МАКАРЫ (Санскр.) Пять М тантриков. (См. "Тантра".)

МАЛАХИМ (Евр.) Вестники или ангелы.

МАЛКУТ (Евр.) Царство, десятая Сефира, соответствующая конечному Н (he) Тетраграмматона или IHVH. Она есть Низшая Мать, Невеста Микропросопуса (см.); называется также "Царицей". В одном смысле она есть Шекина. (у.у.у.)

МАМИТУ (Халд.) Богиня Судьбы. Вид Немезиды.

МАНАС (Санскр.) Букв., "ум", ментальная способность, превращающая человека в разумное и нравственное существо и отличающая его от простого животного; синоним Махата. Эзотерически, однако, это означает, в широком смысле, Высшее Эго или чувствующий перевоплощающийся Принцип в человеке. В узком смысле теософы называют его Буддхи-Манасом или Духовной Душой, в противоположность его человеческому отражению - Кама-Манасу.

МАНАС, КАМА (Санскр.) Букв., "ум желаний". У буддистов это шестой из Чадаятаны (см.) или шести органов познания - потому высший из них, синтезированных седьмым, называемым Кличта, духовным восприятием того, что загрязняет этот (низший) Манас или "Человеко-животную Душу", как его называют оккультисты. Тогда как Высший Манас или Эго прямо связан с Виджняной (10-я из 12-ти Нидан) - что есть совершенное знание всех форм знания, относящихся к объекту или субъекту в ниданическом сцеплении причин и следствий, - низший или Кама Манас есть лишь одна из Индрий или органов (источников) Чувства. О двойственном Манасе здесь может быть сказано очень мало, так как учение, рассматривающее его, правильно изложено лишь в эзотерических сочинениях. Упоминание о нем может быть, таким образом, лишь весьма поверхностным.

МАНАС САНЬЯМА (Санскр.) Совершенное сосредоточение ума и контроль над ним во время упражнений Йоги.

МАНАС ТАЙДЖАСИ (Санскр.) Букв., "лучистый" Манас; состояние Высшего Эго, которое лишь высокие метафизики могут осознать и постичь.

МАНАСА или Манасвин (Санскр.) "Исток божественного разума", и поясняется, что этот исток означает манаса или божественных сынов Брам-Вирадх. Нилакантха, являющийся автором этого высказывания, дальше разъясняет термин "манаса" с помощью маноматрашариры. В другом варианте эти Манаса суть Арупа или бестелесные сыны Праджапати Вирадх. Но, так как Арджуна Мишра отождествляет Вирадх с Брамой, и так как Брама есть Махат, всемирный разум, то эта экзотерическая маскировка становится ясной. Питри тождественны Кумарам, Вайраджам, Манаса-Путрам (сынам разума) и, в конечном итоге, отождествляются с человеческими "Эго".

МАНАСА ДХИАНЫ (Санскр.) Высшие Питри в "Пуранах"; Агнишватты, или Солнечные Предки Человека, те кто превратили Человека в разумное существо, воплотившись в бесчувственные формы полу-эфирной плоти людей третьей расы. (См. т. II "Тайной Доктрины".)

МАНАСЫ (Санскр.) Те, кто одарили человечество манасом или разумом, бессмертные ЭГО в людях. (См. "Манас").

МАНАСАСАРОВАРА ((Санскр.) Фонетически произносится Мансоравара. Священное озеро в Тибете в Гималаях, называемое также Анаватапта. Манасасаровара есть имя божества-хранителя этого озера, и, согласовано народному фольклору, это нага, "змий". Истолкованное эзотерически, это означает великого адепта, мудреца. Это озеро является крупным центром ежегодного паломничества индусов, так как утверждается, что "Веды" были написаны на его берегах.

МАНАВА (Санскр.) Земля древней Индии; Кальпа или Цикл. Название оружия, которым пользовался Рама; означает - "от Ману".

МАНАВА ДХАРМА ШАСТРА - есть древний свод законов Ману.

МАНДАЛА (Санскр.) Круг; также десять разделов Вед.

МАНДАРА (Санскр.) Гора, употребленная богами в качестве мутовки для пахтания океана молока в "Пуранах".

МАНДАКИНИ (Санскр.) Небесная Ганга или Ганг.

МАНДРАГОРА (Греч.) Растение, корень которого имеет форму человека. В Оккультизме оно употребляется черными магами в разных незаконных целях; некоторые из оккультистов "левой руки" создают с его помощью гомункулов. Обычно его называют *mandrake*, и полагают, что оно кричит, когда его вырывают из земли.

МАНЫ или Манус (Лат.) Благожелательные "боги", т.е. "призраки" низшего мира (Камалоки); обожествленные тени умерших - для профана древности, и "материализовавшиеся" духи - для современного спиритуалиста, принимаемые за души умерших, тогда как на самом деле они суть лишь их пустые оболочки, или образы.

МАНИХЕИ (Лат.) Секта третьего столетия, которая верила в два вечных принципа добра и зла, - первый одарил человечество душами, а последний - телами. Эта секта была основана неким полу-христианским мистиком Мани, который выдавал себя за ожидаемого "Утешителя", Мессию и Христа. Много столетий спустя, когда эта секта уже не существовала, возникло Братство, называвшее себя "манихеями", - масонского типа с несколькими степенями посвящения. Их идеи были каббалистическими; но были неправильно поняты.

МАНО (Гност.) Владыка Света. *Rex Lucis* в "Кодексе Назареев". Он есть Вторая "Жизнь" второй или проявленной троицы, "небесная жизнь и свет, и более древняя, чем зодчий небес и земли" ("Код.Наз.", т. I, с. 145). Эти троицы суть следующие. Верховный Владыка великолепия и света, светящийся и сияющий, прежде которого никто другой не существовал, называется Корона (венеч); Владыка Ферхо, непроявленная жизнь, которая существовала в первом извечно; и Владыка Иордан - дух, живая вода милосердия (*ibid.*, II, 45-51). Он есть тот единственный, через которого мы можем быть спасены. Эти трое составляют троицу *in abscondito*. Вторая троица состоит из трех жизней. Первая есть подобие Владыки Ферхо, из которого она произошла, и этот второй Ферхо есть Царь Света - Мано. Вторая жизнь есть Иш Амон (Плерома), чаша предопределения, содержащая видимую мысль *Jordanus Maximus'a* - типа (или его доступное понимаю отражение), прообраза живой воды, который есть "духовный Иордан". (*Ibid.*, II, с. 211.) Третья жизнь, созданная обеими другими, есть Абатур (Аб, Родитель или Отец). Это таинственный и ветхий "Старейший из Старейших", Старец "*Senem sui obtegentem et grandaevum mundi*". Эта последняя, третья Жизнь является Отцом Демиурга Фетахила, Творца мира, которого офиты называют Ильда-Баофом (см.), хотя Фетахил есть однородный, отражение Отца, Абатура, который производит его смотрением в "темную воду". София Ахамот также рождает своего Сына Ильда-Баофа, Демиурга, смотрением в хаос материи. Но Владыка Мано, "Владыка величественности, Владыка всех гениев", в этом

каббалистическом "Кодексе" является более высоким, чем этот Отец, ибо один чисто духовный, другой - материальный. Так, например, тогда как "единородный" Абатура есть гений Фетахил, Творец физического мира, - Владыка Мано, "Lord of Celstitude", являющийся сыном Того, кто есть "Отец всех, кто проповедует Евангелие", также производит "единородного", Владыку Лехдайо, "справедливого Владыку". Он есть Христос, помазанник, который изливает "милосердие" Невидимого Иордана, Духа Высшего Венца. (Для дальнейших сведений см. "Раз. Изиду", т. II, с. 263, и след.)

МАНОДХАТУ (Санскр.) Букв., "Мир ума", означая не только все наши ментальные способности, но также одно из подразделений умственного плана. Каждый человек имеет свой Манодхату или мысленный план, пропорциональный степени его интеллекта и ментальных способностей, за пределы которого он может выйти лишь изучая и развивая свои высшие духовные способности в одной из высших сфер мысли.

МАНСМАЙА КОША (Санскр.) Ведантический термин, означающий Оболочку (Коша) Мансмайи, эквивалент четвертого и пятого "принципов" в человеке. В эзотерической философии эта "Коша" соответствует двойственному Манасу.

МАНТИКА или Мантическое Безумие. В этом состоянии приобретался дар пророчества. Эти два слова почти синонимы. Одно почиталось так же, как другое. Пифагор и Платон высоко оценивали ее, а Сократ советовал своим ученикам изучать Мантику. Отцы Церкви, которые так сурово осудили мантическое безумие у языческих жрецов и пифий, были не прочь применить его в своих собственных целях. Монтанисты, получившие свое название от Монтана, епископа Фригии, который считался божественно вдохновленным, соперничали с (мантеис) или прорицателями. "Тертуллиан, Августин и мученики Карфагена были из их числа", говорит автор книги "Prophecy, Ancient and Modern". "По-видимому, монтанисты напоминали вакханок тем диким энтузиазмом, которым отличались их оргии", - добавляет он. Что касается происхождения слова Мантика, то тут мнения расходятся. Существовал знаменитый Мантист Провидец в одних Мелампа и Прозта, Царя Аргоса; и была Манто, дочь прорицателя Фив, и сама прорицательница. Цицерон описывает прорицание и мантическое безумие, говоря, что "во внутренних закоулках ума скрыта способность божественного прорицания, божественный импульс, который, когда разгорается сильнее, называется безумием", неистовством. ("Разоблаченная Изида".)

(продолжение предполагается)

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая

Email: ttolstaya@hotmail.com

WWW: <http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/>

Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова";
"Иностранка", 2000. — 384 стр.

ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")

ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")

УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз	И краткое	Слово	Ер
Буки	И десятиричное	Твердо	Иры
Веди	Како	Ук	Ерь
Глаголь	Люди	Ферт	Ять
Добро	Мыслете	Хер	Фита
Есть	Наш	Ща	Ижица
Живете	Он	Ци	
Зело	Покой	Червь	
Иже	Рцы	Ша	

КАКО

Неделю провалялся Бенедикт в лихорадке, - позорище и стыдобушка. Как все равно дите малое. Старик ему и огонь разжег, и ватрушек напек, и кипяточку пить подавал. Сами вдвоем все и съели.

Вот те и праздник Новый Год. Прошел, минул, как и не было, - такая жалость, все упустили! А голубчики, видать, веселились вовсю, плясали да хороводы водили, да свечи по Указу жгли, да ржавь пили: после праздника, как водится, увечных да калечных в городке прибавилось. Идешь по улочке, сразу скажешь: праздник был да веселье: тот на костыликах клякает, у того глаз выбит али мордоворот на сторону съехамши.

Бенедикт, оклемавшись, сокрушался: жизнь стороной прошла, по губам мазнула, - как всегда, как всегда! Вот обида-то! Вот черная досада! Он ли не готовился, он ли разум в дело не пускал? мышей не ловил, на снесь не менял? Ведь две недели, почитай, жил в ожидании светлого, радостного: гости, свечи, музыка!

Ведь жизнь-то, она какая? - труды да холода, да посвист ветра! Так? В кои-то веки праздник выпадает.

А он, видать, простыл, да надорвался, али другое что, - али с голодухи, али несвежего чего в Столовой Избе поел, - кто знает? - да и свалился в жару, в лихорадке, и где вы нынче, дни золотые?

А Никита Иваныч говорит, что Бенедикт не ВРАСТЕНИК. Ну что же, - нет, так нет, это уж как кому повезло. А только обидно до слез!

А еще он говорит, что, дескать, слава Богу, целее будешь, руки-ноги сохранил, еще пригодятся тебе, юноша неразумный, пустоголовый, мечтательный и заблудший, как и вся ваша порода, все ваше поколение, да, в сущности, и весь род людской! А не любит он наши праздники, не любит!

Что ж с того, что иной раз повреждение кому и выйдет? Другой раз и на льду поскользнешься. И в яму упадешь, и на сук напорешься, и съешь чего непроверенного. А что ж, нешто от старости не мрут? Даже Прежние голубчики, - по триста лет живут, а все равно мрут. Новые голубчики родятся.

Себя-то, конечно, жалко до слез, чего говорить. Родню, приятелей - тоже жалко, но поменьше. А чужих - как-то не жалко. Они же чужие. Как можно равнять? Когда матушка померла, Бенедикт так плакал, так убивался, весь вспух. А помри, - ну хоть Анфиса Терентьевна, - разве ж он плакал бы? Ни боже мой! Подивился бы, расспросил бы, вытянувши шею, возведя брови на лоб: от чего помре? Объемшись чего али так? И где

хоронить думают? И женится ли теперь Поликарп Матвеич на ком другом, и много ли от Анфисы Терентьевны добра ошамшисъ, и какое то добро? - все расспросит, интересно же.

Да и на поминки позовут - развлеченiе. Еду есть будут. В избу пригласят, - входишь, смотришь, какая у них изба-то, в каком углу печь, да где окно, да есть ли украшенiе какое, - может, лавка резная у какого затейника, может, полог цветными нитками расшит, а то полку прибьют и на ней книжицы держат. Наешься-напьешься, по избе бродишь, глазами зыркаешь, к полке подойдешь, книжицы рассматриваешь. Другой раз интересная попадется, - к стене боком прислонишься, ногу за ногу закрутишь, в затылке скребешь, стоишь читаешь. Да мало ли!..

Но самому помирать неохота, кто спорит. Упаси Бог! А только ещё страшней, если кысь. Сейчас-то вроде она отступила, видать, потеряла Бенедикта, - может, это Никита Иваныч ей след перебил, она и отступись.

А почему она страшней смерти: потому что уж ежели ты помер, так все, - помер. Нету. А ежели эта тварь тебя спортит, - так с этим еще жить! А как это? Как они себя мыслят, каково им, испорченным? Вот что им там внутри чувствуется? А?..

...А должно быть, чувствуется им тоска страшная, лютая, небывалая! Мрак черным-черный, слезы ядовитые, жидкие, бегучие! Вот

как иной раз во сне бывает: будто бредешь себе, волоча ноги, да все влево да влево забираешь, - и не хочешь, а идешь, словно ищешь чего, да чем дальше заходишь, тем больше пропадаешь! А назад ходу нету! А идешь будто по долинам пустым, нехорошим, а из-под снега трава сухая, да все шуршит! Все-то она шуршит! А слезы все бегут да бегут, с лица да на колени, с колен да на землю, так что и головы не поднять! А и поднял бы - все зазря: смотреть там не на что! Нет там ничего!..

А случись такое страшное дело с человеком, - что кысь его выпьет, жилочку когтем перервет, - лучше ему помереть скорее, лучше уж пускай в нём пузырь лопнет, да и все тут. А только кто же знает, может ему эти два, а то три дня до смерти целой жизнью представляются? У себя-то, в голове-то, внутри, он может, и в поля какие ходит, и женился, и детей малых народил, и внуков дождался, и повинность государственную какую несет, дороги чинит, али ясак платит? Внутри-то? А только все со слезами, с криком душевным, с воем непереносимым, не людским, беспрестанным: кы-ы-ы-ы-ысь! кы-ы-ы-ы-ысь!..

То-то. А не то, что: "зачем увечье": увечье - дело житейское, выбьют глаз, - дак и одним глазом можно солнышку радоваться; выбьют зубы, - дак и щербатый счастьем своему улыбається, доволен.

Но у Бенедикта и глаза в порядке, и зубы, и руки-ноги. Так что ж. Оно и хорошо.

А вот другое дело, что одному жить вроде как скучно, компания нужна. Семья. Баба.

Баба обязательно голубчику нужна, - как без бабы? По этому бабскому делу Бенедикт ходил ко вдове, к Марфушке: раз ли, два ли раза в неделю, но непременно к Марфушке завернет. С лица она нельзя сказать, чтобы уж очень была хорошенькая. У ней, по правде сказать, весь мордоворот как бы на сторону съехавши, будто ей кто оглоблей в личико вдарил. И один глаз заплывши. Фигурка тоже не сказать, чтоб очень. На репу похожа. Но Последствий нетути: где надо, все у ней выпуклое, где не надо - впуклое. Да и не смотреть же на нее он ходил, а по бабскому делу. Кому смотреть охота, - дак выйди на улицу и смотри, пока глаза не вывалятся. А тут другое. Это, как Федор Кузьмич, слава ему, сочинил:

**Не потому, что от нее светло,
А потому, что с ней не надо света.**

Никакого света с ней не надо, а даже наоборот: Бенедикт как к ней придет, сразу свечку задует, и давай валяться да крутиться, да кувыркаться, всяким манером любовничать. И вприсядку, и в раскорячку, и туды, и сюды, и по избе скакать, - боже ты мой, чего иной раз вытворять в мысли-то вступит! Вот когда один сидишь, думу думаешь, ложкой во щах шевелишь, - никогда по избе скакать не станешь, али на голову становиться. Как-то оно глупо. А когда к бабе

придешь - обязательно. Сразу портки долой, - шутки и смех. Природа у бабы, али сказать, тулово для шуток самое сподручное.

Вот, нашутимшись, умаешься. Опосля так жрать охота, будто три года не жрамши. Ну, давай, чего ты там наготовила? А она: ах, куды, Бенедикт, куды ты от меня стремишься? Желаю, мол, еще фордыбачить. Неуемная женщина. Огневая.

- Нет, баба, нафордыбачились, давай еду, вермишель давай, квашеного чего-нибудь, квасу, ржави, все давай. Поем да и побегу, а не то у меня печь погаснет.

- Да какая печь, дам я тебе угольков-то! - И то правда, и накормит, и с собой пирог завернет, и угольков в огневой горшок накладет.

А другой раз Бенедикт ей стихи читает, ежели чего Федор Кузьмич, слава ему, про бабское дело сочинить изволил. Он, видать, тоже ходок - будь здоров!

Горит пламя, не чадит,
Надолго ль хватит?
Она меня не щадит, -
Тратит меня, тратит.

Во как! А то еще:

Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,
Хочу одежды с тебя сорвать!

Хочешь - дак и сорви, кто мешает? Бенедикт раньше удивлялся: кто ж ему, Набольшему Мурзе, долгих лет ему жизни, слово поперек скажет? Срывай. Хозяин - барин. Но теперь, конечно, когда он Федора Кузьмича, слава ему, воочию лицезреть сподобился, - теперь призадумашься: видать, ему, с его росточком, до бабы и не допрыгнуть, вот он и жалобится. Дескать, сам не управлюсь, подсобляй!

Но с этими стихами раз конфуз вышел. Перебеливал раз Бенедикт стихи, уж такие разэдакие, такие, сказать, томные!

Нет, я не дорожу мятежным наслаждением!

- во как Федор Кузьмич, слава ему, выразил. Бенедикт даже изумился: а с чего это он не дорожит-то? Приболел? А там к концу Федор Кузьмич, слава ему, прояснил, что он вроде как новым, диковинным манером бабское дело решил испытать:

Лежишь, безмолвствуя, не внемля ничему...
И разгораешься все боле, боле, боле,
И делишь, наконец, мой пламень поневоле.

Бенедикту так захотелось проверить, чего это Набольший Мурза, долгих лет ему жизни, чудит-то, - что сделал своеволие: лишний свиточек для себя переписал, да в рукав-то и схоронил, а опосля бегом бросился к Марфушке и те стихи ей прочел. И предложение ей предложил: давай,

дескать, и мы так: ты брык, - и лежи как бревно, не внемля ничему, но, смотри! - по-честному, как договорились. А я на тебя яриться буду, и поглядим, чего это такое за барские придумки. Лады? Лады.

Так и порешили. А вышел конфуз. Марфушка все сделала по-честному, как ей велено, - ни гугу, руки по швам, пятки вместе, носки врозь. Ни хватать Бенедикта, ни щекотить, никаких кренделей выкаблучивать не стала. И нет чтобы разгораться все боле да боле, как по-писаному, али там пламень разделить, - какое, - так, мешок мешком весь вечер и пролежала. Да и пламеня, по правде, не вышло, - Бенедикт потыркался-потыркался, да чего-то завял, да скис, да плюнул, да рукой махнул, шапку нашарил, дверью хлопнул да и домой пошел, да и весь сказ. А Марфушка осерчала, догнала, да вслед ему - матюгов. А он - ей. А она - ему. Повздорили, волосья друг другу повыдирали, потом, недели через две, опять помирились, но все уж было не то. Не было уж той, сказать, искрометности.

Ну, по этому же делу он и к Капитолинке ходил, и к Верке Кривой, и Глашка-Кудлашка его зазывала, и много еще кто. Теперь вот Варвара Лукинишна напрашивается, можно бы сходить, да больно страшна. А ну как она по всему тулову петушиной бахромой утыкана?

Но все эти бабские дела - сходил да и забыл. Да и из головы вон. А другое дело, когда

видение привяжется, образ чудный, марево светлое, - вот как Оленька стала Бенедикту мерещиться... Лежишь на лежанке, ржавь покуриваешь, а она - вот она, рядом, усмехается... Руку протянешь - нет ее! Воздух! Нету ее, - а и опять она тут. Что такое!

...Может, взять да и посвататься к ней? А? Посвататься? Так, мол, и так, Оленька-душенька, ненаглядная красавица, желаю на тебе жениться! Честным пирком да за свадебку! Будь моей хозяйшкой! Будем жить-поживать да добра наживать!.. Что еще в таких делах говорится?.. Совет да любовь! Пир на весь мир! Чем богаты, тем и рады!

А что! Хоть семья у ней и знатная, - в санях ездит, - хоть шубка у ней заячья, а женихов вокруг нее не видать. Строгая, должно быть. Скромная. А на Бенедикта-то посматривает. Посмотрит - и зарумянится.

А когда Бенедикт, оправившись от лихорадки, на работу вернулся, - так Оленька и просияла. Вся засветилась, как свечка; прямо бери ее, в расщепу вставляй и в любой тьме видать будет во все стороны.

Обдумать надо это дело.

(продолжение предполагается)

Бруно ЯСЕНСКИЙ

НОС

Автор(ы) произведения: Бруно ЯСЕНСКИЙ
Название произведения: Нос
Жанр, время, место создания: Повесть; 1936 г.
Ист. получения произведения: Бруно Ясенский
Избранные произведения в двух томах. Том первый. Государственное издательство Художественной Литературы, Москва, 1957 г.
Оформление художника Е. РАКУЗИНА
Редактор К. Платонова
Художественный редактор Ю. Боярский
Технический редактор В. Овсеенко
Корректор Р. Гольденберг
Автор(ы) (OCR) файла: Виктор Кузьмин
Редактор(ы) файла: Виктор Кузьмин
Название (кодировка) файла: yasn02W.doc
Дата (номер) редакции файла: May. 2001
Источник получения файла: viktor_irbis@mailru.com
Из коллекции Вадима Ершова: <http://lib.ru/~vgershov/>
Текст подготовил Ершов В. Г. Дата последней редакции: 17.05.2001
Сканировано по изданию: Бруно Ясенский, ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ. ТОМ I
Повесть написана в 1935 - 1936 годах. Впервые опубликована в газете "Известия", №№ 36, 37, 38 и 41 от 11, 12, 14 и 17 февраля 1936 года.
Печатается по тексту книги: Бруно Ясенский. "Нос". Повесть. Изд. "Советский писатель", М. 1936.
Сдано в набор 31/VII 1957 г Подписано к печати 13/IX 1957 г. А-06962. Бумага 60 X 92 1/16 - 27 печ. л. 27,12 уч-изд. л. + 1 вкл. = 27,17 л. Тираж 150 000 экз. Заказ № 741. Цена 9 р. 70 к. Гослитиздат Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.
Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности, 2-я типография "Печатный Двор" имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26
OCR В. Кузьмин. May. 2001. Проект "Старая фантастика" <http://sf.nm.ru>

* * *

В комнате, куда ввел Калленбрука незнакомец, стоял длинный стол. На столе горели свечи в двух семисвечных канделябрах, стоял телефон, две тарелки с мацой, лежал раскрытый талмуд огромных размеров и большая груда золотых монет. За столом сидело двенадцать ветхих евреев в меховых раввинских шапках. У евреев были седые бороды до пояса и пейсы, длинные, как растянутые пружины. При виде профессора Калленбрука все двенадцать старцев с неожиданной в их возрасте резвостью вскочили с мест и спели хором:

**Мы - дюжина, мы - дюжина
Сионских мудрецов!
Весь мир нам нужен, нужен нам!
Съедем его за ужином...**

Кончив петь, они проделали челюстями несколько прожорливых движений и лязгнули зубами, образно показывая, как будет происходить это съедение всего мира за одним ужином. Затем, проплясав на месте несколько тактов, старцы, как по команде, снова уселись за стол и погрузились в суровое молчание.

- Кто ты такой? - обратился к Калленбруку самый ветхий еврей. Волосы росли у него из

ушей и из носа, седые, как полынь, и буйные белые брови, ниспадавшие на глаза, казались второй парой усов, выросших по ошибке над глазами.

- Кто я такой? - скорбно прошамкал Калленбрук. - Еще вчера я был богатым и почитаемым человеком, главой семьи и гордостью друзей. А теперь? Теперь я просто бедный еврей.

- Какое несчастье тебя постигло? - торжественно, как по загодя установленному церемониалу, спросил старец с двумя парами усов.

- Ой, господин сионский мудрец! - вздохнул протяжно Калленбрук. - Меня постигло такое несчастье, что, если я вам расскажу, вы мне не поверите. У меня был прекрасный арийский нос, - какой нос! - и мне его подменили вот этой тыквой. У меня была еще молодая, совсем недурная жена, и у меня её отняли и велели ей делать детей с женатым господином регирунгсратом Освальдом фон Вильдау. У меня были дети, - какие дети! - и их заберут во вспомогательную школу и там их стерилизуют, чтобы они не могли больше размножаться. У меня была слава и почет, а теперь я не могу показаться на улицу, чтобы любой щелкопер не вышиб у меня челюсть и не выпачкал платье.

Скажите, господин сионский мудрец, бывал ли когда на свете человек несчастнее меня?

Тут все двенадцать евреев сострадательно покачали головами, а старец с лицом, заросшим полынью, спросил в третий раз:

- Хочешь ли ты отомстить тем, кто тебя обидел?

- Хочу ли я отомстить? А вы бы не хотели отомстить за свою испорченную жизнь, за свою поруганную жену, за своих стерилизованных детей? Но скажите, господин сионский мудрец, - что я могу сделать?

- Хорошо, - кивнул старец, - мы тебе поможем. Поклянись только, что ты навсегда останешься с нами и никогда никому ничего ни при каких обстоятельствах не расскажешь. Вот на тарелке маца. Она замешана на крови господ национал-социалистов, расстрелянных самим господином Гитлером. Отломи кусок и съешь!

- Пропади они все пропадом! - воскликнул профессор, отломил большой кусок мацы и проглотил не жуя.

Тут он почувствовал, что его мысли вдруг преисполнились неизвестной ему доселе хитростью и коварством и что в голове у него зреет еще смутный, но на редкость адский план.

- Как бы ты хотел им отомстить? - спросил старец.

- Подождите, подождите, у меня есть идея! - вдохновенно возвестил Калленбрук. - Они основали генеалогический сад, где по актам гражданской записи воссоздают точную родословную каждого немца вспять до десятого колена. Каждый месяц на основе вновь разысканных документов они вносят поправки в генеалогические деревья. Давайте подкупим всех архивариусов Германии и впишем в метрические записи каждому чистокровному немцу по одному предку-еврею! Завтра вся Германия узнает, что Геринг - вовсе не Геринг, а Hering - простая еврейская селедка, - и что нет ни одного национал-социалиста, дедушка или по крайней мере прадедушка которого не был бы евреем!

Выслушав слова Калленбрука, все двенадцать мудрецов пустились отплясывать большевистский гопак. Когда улеглась первая вспышка всеобщего восторга, старец с двойными усами обратился к Калленбруку:

- Было нас до сих пор двенадцать сионских мудрецов. Каждый из нас придумал немало козней на гибель христианскому миру, но никто не додумался до более гениального плана. Ты заслужил почетное звание сионского

мудреца. С сегодняшнего дня нас будет тринадцать!

Тут все старички пришли в такое ликование, что долго не могли уgomониться. Профессору Калленбруку надели на плечи атласный лапсердак, на голову большую шапку раввина и усадили его на самое почетное место.

Профессор не без удивления заметил, что из его бритого подбородка, как вода из библейской скалы от прикосновения жезла Моисеева, брызжет длинная серебряная борода.

Когда водворилась тишина, старики приступили к обсуждению деталей плана мщения.

- Если в один день у каждого немца окажется по предку-еврею, то всем им, волей-неволей, придется с этим смириться, и между ними не получится никакого раздора, - сказал черный, лоснящийся старец с длинными клыками седых усов, похожий на моржа. - Поэтому, по моему разумению, нужно вписывать не сразу всем, а постепенно: сначала одним национал-социалистам, и не всем, а сперва только самым заслуженным.

Все согласились с этим справедливым замечанием, и тут же было постановлено для начала вписать еврейских предков только членам национал-социалистической партии, обладателям партийных билетов с № 1 по № 10

000. К подкупу архивариусов решено было приступить немедленно.

Старички поспешно принялись сгребать со стола золотые монеты и, позванивая ими в карманах, спели хором:

Гей, Сион, сияй восторгом!
Увеличился наш орган
На одного мудреца!
Ламцадрица, ца-ца!

Затем, выкинув несколько коленцев и нахлобучив шапки, они скопом исчезли в дверях, оставив Калленбрука одного за пустым столом с телефоном и двумя семисвечными канделябрами.

Профессор хотел было окликнуть усобрового старца, спросить, оставаться ли ему здесь или идти вместе с ними, но комната была уже пуста.

Свечи горели тускло, подмигивая профессору и проливая стеариновые слезы на опустевший стол, на тарелку с мацой, на одинокий забытый кружок золотого металла. Профессору Калленбруку стало не по себе. У него промелькнула мысль: не заманили ли его в ловушку? Мысль эта сгустилась в паническую уверенность, когда в коридоре настойчиво, не умолкая, задребезжал звонок.

Профессор метнулся, задел локтем и сшиб канделябры. Свечи заморгали и потухли. Он остался в полной темноте.

Теперь ему казалось, что звонят не в коридоре, а надывается на столе телефон. Дрожащими руками он шарил впотьмах по столу, не находя аппарата, и больно ушиб обо что-то палец. Наконец рука его нащупала телефонную трубку. Он рванул ее и поднес к уху...

- Алло! Кто это?

(продолжение предполагается)

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

19

Проснувшись, Данилов обнаружил Кармадона в занятиях с гантелями. Кармадон был гол до пояса.

В шесть вечера, когда Данилов вернулся из театра, он и вовсе не узнал Кармадона. Данилов почувствовал, что Кармадон уже нуждается в присмотре. Вечернего спектакля у Данилова не было, завтра он имел выходной. Это было кстати.

Завтра каникулам Кармадона наступал конец. Данилов снова мог жить сам по себе. Естественно, при условии, что усердиями Кармадона время "Ч" ему, Данилову, будет отменено. Или отложено на долгие годы. Данилов верил в благополучный исход нынешней затеи. Хотел верить и верил.

Кармадон, выяснилось, для бодрости духа утром не только упражнялся с гантелями, но и бегал трусцой в направлении дворца Шереметевых, ныне Музея творчества крепостных. Был он и в банях, уже не Марьинских, а Селезневских, опять со скрипачом Земским и водопроводчиком Колей, к которым привык. В бане не зяб и не зевал, парился от души и из шайки швырял на раскаленные камни исключительно пиво. И Земский, и водопроводчик Коля, будучи в голом виде, очень хвалили Кармадону фильм "Семнадцать мгновений весны". Кармадон, выйдя в предбанник подышать тихим воздухом и накрывшись простыней, взятой у пространщика, тут же устроил себе просмотр всех двенадцати серий. Просмотр прошел сносно, лишь соседи в мокрых простынях, спорившие о стерляди, помешали Кармадону внимательно выслушать музыку композитора Таривердиева. Впрочем, Земский музыку бранил. А слова песен Коля Кармадону напел в парной. Потом Кармадон вместе с Колей и Земским еще гуляли, имели и приключения, правда мелкие. Теперь же Коля и Земский сидели дома у Данилова и пили, разложив жареную рыбу хек на нотных листах. Данилов отправился прямо на кухню с намерением подать закуску на тарелках. Однако остановился, охваченный колебаниями. В холодильнике он имел лишь банку скумбрии курильской в собственном соку. Он хотел было

угостить Кармадона в последние дни каникул, как следовало бы московскому хлебосолу, но вряд ли имел право тратить представительские средства на скрипача Земского и в особенности на водопроводчика Колю. Тут Кармадон явился на кухню, рассеял сомнения Данилова, сказав:

- Что ты тут крутишься с тарелками! Сегодня угощаю я!

- У нас так не делается... - начал было Данилов.

- И молчи! - заявил Кармадон.

- Ну смотри...

- Я ведь теперь знаю, кто ты! - сказал Кармадон и пальцем ткнул Данилова в бок. - Я в театр к тебе заглянул, в яме твоей посидел за барабанами и тарелками, еще кое-чем интересовался... Я справки запросил о тебе в канцеляриях... И получил их... Вот и знаю, кто ты...

Кармадон улыбался чуть ли не благодушно, но в благодушии его Данилов уловил и нечто металлическое, возможно молибденовое. "Стало быть, все проверил..."

- Ну и кто же я? - спросил Данилов. И он решил окрасить разговор улыбкой.

- Как тебе сказать... Ты вроде этого... Штирлица... Ты тут свой... Туземец... Ты и думаешь по-здешнему... И пиликаешь по-ихнему... Ты здешний, ты земной...

Тут Кармадон остановился, как бы желая поддержать Данилова в напряжении и уж потом либо одобрить его, либо разоблачить. Одобрил, похлопал Данилова по плечу:

- Так и надо!

Кармадон включил на всякий случай все три программы приемника "Аврора", стоявшего на кухне, разом, пустил воду в мойке на полный звук. Он пододвинулся к Данилову и зашептал ему на ухо:

- Нам такие нужны! Я устрою тебе перевод в нашу Канцелярию от Нравственных Переустройств. Наша-то канцелярия примет тебя и отцепит от твоей, теперешней... И уж они тебя шиш достанут со временем "Ч"... Только тебе придется подписать наши условия... согласишься ли ты?

"А вдруг приемник и вода в мойке не помешают услышать Кармадона? - подумал Данилов. - Надо было еще в туалете воду спустить!"

- Завтра, - шепнул Данилов. - Завтра все и решим.

- Ладно, - кивнул Кармадон.

- Андрей Иванович, где вы? - крикнули из комнаты.

- Пошли к ним, - сказал Кармадон. - Тебе нужно будет еще подписать все мои каникулярные документы. И уж помоги мне приобрести сувениры.

- Как же мы с тобой раньше о сувенирах не вспомнили! - всполошился Данилов. - Завтра все магазины будут закрыты!

"Голова моя садовая! - сразу же подумал он. - Я впрямь соображаю лишь по-здешнему! При

чем тут магазины!" Но Кармадон, казалось, не заметил его оплошных слов.

- Впрочем, в магазинах одна дрянь, - сказал Данилов. - Придумаем что-нибудь...

Он готов был сейчас угодить Кармадону. И из-за стечения обстоятельств. И просто так, от души. Знал он, и какие сувениры будут иметь успех в каждом из Девяти Слоев.

- Андрей Иванович! - пробасил из комнаты Земский.

- Андрей Иванович - это я, - объяснил Кармадон. - Андрей Иванович Сомов. Из Иркутска. Твой гость. Пошли.

- Здорово, Данилов! - обрадовался хозяину Земский, но тут же отчего-то и смутился.

- Здравствуй, Володя! - сказал водопроводчик Коля, он был одних с Даниловым лет, поэтому и называл его Володей. При встречах, даже и в трезвом виде, всегда улыбался Данилову, уважая его: Данилов ни разу не засорял туалета и сам спускал черный воздух из батарей, когда давали горячую воду.

- Николай Борисович, - обратился Данилов к Земскому, все ещё пребывавшему на больничном листе, - как вы чувствуете себя?

- Спасибо, ничего.

- У вас люмбаго?

- Люмбаго! - хохотнул Земский. - Вот сегодня хворые места веничком прорабатывал в бане! Но и музыку не забыл. Недавно твоему иркутскому приятелю Андрею Ивановичу исполнил свои новые сочинения...

- Ну и как, Андрей Иванович?

- Забавно, - сказал Кармадон, - забавно. Как это ваше направление в искусстве называется?

- Тишизм, - сказал Земский. - Тишизм.

- Чтой-то краны течь хотят! - вставил водопроводчик Коля.

- Действительно! - хохотнул Земский.

- Сейчас, - сказал Кармадон.

Он сходил на кухню и принес три запотевшие бутылки водки и две "Северного сияния". К кускам жареной рыбы хек добавились шпроты на черном хлебе, банка килек и, Данилов обратил на это особое внимание, банка скумбрии курильской в собственном соку из его холодильника. "Что это он? - удивился Данилов. - Или все истратил вчистую?" Данилов захотел улучшить стол, в воображении его тотчас возникли цыплята табака и седла барашка, однако Данилов подумал, что своими угощениями он будет неделикатен по отношению к Кармадону. И он вернул горячие блюда в рестораны, местные и балканские, лишь некий аромат жареной баранины остался над рыбным столом. Земский учуял его и насторожился. Но Коля уже разлил.

И понеслось. И покатилося.

Данилов пить не хотел. Однако пришлось.

Улучив мгновение в бестолковой, шумной беседе, Кармадон отозвал Данилова в прихожую, открыл встроенный шкаф, достал меховые ушанки и поинтересовался, сгодятся ли они в сувениры?

- Где ты их достал? - спросил Данилов.

Оказывается, белым днем, когда Кармадон с Земским и водопроводчиком Колей шли из бани подземным переходом и беседовали, дурной подросток снял на ходу с Кармадона теплую шапку и побежал. Кармадон хотел было догнать подростка, но Земский с Колей сказали, что этого делать не надо, а надо идти в милицию. Кармадон и пошел, а Земский с Колей возле отделения сразу же вспомнили, что их дома ждут дела. Колю - затопленная Герасимовыми квартира Головановых. Земского - птица Феникс, о которой он собирался сочинять ораторию. Кармадон в милиции рассказал про шапку, предъявил иркутские документы, написал заявление и стал ждать. Ему удивились, спросили: "Чего вы сидите тут, гражданин?" Кармадон объяснил, что он ждёт шапку, не резон ему с голой головой идти на мороз. Все сотрудники сошлись поглядеть на Кармадона, кто-то сказал, что он, верно, пьяный и сам небось шапку потерял или подарил, другой, более вежливый, посоветовал Кармадону идти домой. "Не пойду", - сказал Кармадон. Куда ж он мог идти! По возвращении с каникул ему бы пришлось отчитываться в хозяйственной части за шапку, она ведь возникла на нем не из ничего, а из казенных флюидов. Кармадон рассердился, и через пять минут в отделении все задвигалось и напряглось. Просили Кармадона дать словесный портрет головного убора. Мех

Кармадон назвать не смог, сказав лишь, что лохматый. Не помнил он и своего размера. Сержантовым ремнем Кармадону обмерили голову. Через сорок минут Кармадону предъявили одиннадцать его шапок. Среди них, как увидел Данилов, были две пыжиковые, одна из ондатры, олимпийского фасона, четыре кроличьих, свежих, одна лисья, одна из меха секача, одна каракулевая, одна из верблюжьей шерсти. Кармадон сказал, что он не может точно определить, какая шапка его, а какая - нет. Тогда ему предложили отвезти домой все шапки на опознание жене или знакомым, а после, когда предоставится случай, ложные шапки вернуть. Вот Кармадон, поколебавшись, забрал их и теперь думает, не сгодятся ли они в сувениры.

- Сувениры это прекрасные! - сказал Данилов.

- Но ты же обещал вернуть десять шапок...

- У меня нет времени, - сказал Кармадон.

- Значит, кто-то будет ходить без шапок. Или родственники твоих спасителей. Или еще кто...

- Ну и что! С меня-то вон сняли шапку! - тут Кармадон взглянул на Данилова холодно. - И потом, ты говоришь странные вещи... Ты что, Данилов?

"Действительно, - подумал Данилов, - что это я..."

- У меня своя роль, - со значением сказал Данилов.

- Ах, ну да... - спохватился Кармадон. - Но ты не беспокойся, следов я не оставил. Они не знают, где я гощу и к кому увез шапки на опознание...

- Вот и хорошо, - сказал Данилов. - А завтра мы присмотрим другие сувениры.

В дверь позвонили.

Гостем явился Кудасов. Данилов Кудасова впустил, однако был удивлен его прибытием. Кудасов и сам чувствовал себя неловко, бормотал, что вот, мол, Данилов не раз приглашал его в гости, он все не мог, а тут шел мимо и подумал: "Дай загляну..."

- И прекрасно сделали! - сказал Данилов. Хотя и готов был погнать этого Кудасова в шею.

"Однако что это Кудасов-то прибрел?.." И тут Данилов понял. Кудасову ехать из дома к Данилову было минут сорок. Сорок минут назад в воображении Данилова возникли цыплята табака и седла барашка с Балканского полуострова, ароматом наполнив его холостяцкое жилье, вот Кудасов и уловил то сладостное мгновение. Его можно было понять: Данилов не обедал у Муравлевых, и Кудасов три недели напрасно шевелил усами, ловившими запахи муравьевской кухни.

Данилов и сам был не прочь поесть нынче сытно. Он шепнул Кармадону:

- У меня есть на представительство... Все равно бухгалтерия их потом спишет...

- Ну, валяй, - сказал Кармадон.

Данилов ввел Кудасова в комнату, представил его гостям-ветеранам.

- Кудасов, Валерий Степанович, лектор по существенным вопросам.

Земский отчего-то хохотнул, а водопроводчик Коля Кудасову очень обрадовался.

Данилов, наблюдавший за ноздрями и усами Кудасова, сострадал гостю. Кудасов учуял аромат жаренной на углях баранины, а предположить мог одно: она уже съедена, он опоздал. Данилов пошел на кухню, получил заказ из двенадцати предметов, выписал - по слабости и легкомыслию - еще и ресторанный столик на колесиках, на этом столике привез закуски, напитки, горячие блюда в комнату.

- Андрей Иванович угощает, - сказал Данилов.

Кудасов оборвал умные слова. Усы его приняли стойку.

Потом по кудасовским усам текло. Но и в рот попадало.

- А вот, Валерий Степанович, - сказал водопроводчик Коля, закусывая жареным хеком, - насчет синего быка что вы объясните?

- Насчет синего быка, - кивнул Кудасов и подцепил вилкой новый кусок баранины.

- Да, насчет синего быка, - поддержал Колю Данилов.

- Ну что же, - сказал Кудасов, - сейчас ясно одно. Родиной исполинского быка являются скорее костромские леса, нежели принципские хинные рощи.

- Да куда им, хинным рощам-то! - сказал Земский.

- А он не от пришельцев? - в упор спросил Коля.

- Каких еще пришельцев? - снисходительно поглядел на Колю Кудасов.

- Все говорят, - сказал Коля. - Это пришельцы их сюда завезли. Три тысячи лет назад. А когда уехали, законсервировали их до поры до времени в спячке. А эти две штуки из спячки вышли.

- Консервируют быков, - засмеялся Земский, - на мясокомбинатах!

Андрею Ивановичу из Иркутска слушать про быков такие слова было неприятно, он поморщился и сказал:

- Да что вы все про быков и про быков! Про этого синего в Москве стали забывать, а вы вспомнили! Теперь в Москву стоматологи приехали, про них говорят.

Андрей Иванович был прав. Два дня как отбыл бык Василий в Канаду, а казалось, что прошла вечность. Панкратьевские страсти и разговоры словно забылись. А о том быке в белую полосу в Москве совсем не помнили. О быстротечность московской жизни! Будто и нет в тебе неводов!.. Собрался в Москве конгресс стоматологов, вот о нем теперь и рядили. Клавдия Петровна уже отсидела на открытии конгресса с гостевым билетом, теперь желала попасть на пленарное заседание. В публике шли слухи, что в последний день работы конгресс специальным решением запретит бормашины. Отныне зубы станут лечить без всякой боли технической водой и сжатым воздухом. Множество чудесных событий летело своей чередой, где уж тут было

удержаться в центре внимания синему быку!

- А этот, ихний Бурнабито, - опять вступил Коля, - я в транзисторе слышал, решил возле дома на лужайке своему быку поставить памятник, из одной бронзы. Стоит, значит, бык и ногу переднюю держит на упавшем женском теле, на Синтии этой, вроде он ее победил...

- Ну вот видите, - сказал Кудасов, - при чем же здесь пришельцы!

- Точно? - спросил Андрей Иванович. - Такой памятник будет?

- Передавали так, - сказал Коля. - Или вот анекдот я про синего быка слышал...

Анекдот был неприличный, для быка обидный, и Данилов, чтобы оберечь от него ранимую натуру Кармадона, прервал анекдот тостом, посвященным съезду стоматологов. Дальше пили и закусывали, Данилов дважды прикатывал из кухни на столике сменные блюда с напитками, не раз компания впадала в хоровое пение. Еще в бане водопроводчик Коля напомнил Андрею Ивановичу песню "Ромашки спрятались, поникли лютики...", и теперь Андрей Иванович ее с удовольствием пел. Их с Колей поддерживал пока еще не уставший от угощений Кудасов и, что удивительно, тишист Земский. И Данилов запел ради компании.

Песня их была услышана находившимся за стеной духовиком из детской оперы Клементьевым. Тот сейчас же - и зычно - заиграл про лютики на электрооргане. "Да что он шумит-то! Этак рыбу в реке глушить можно! -

рассердился Кармадон. - Он и ночью гремел!" И опять в электрооргане за стеной что-то взорвалось.

В разгар застолья позвонила Клавдия.

- Данилов, ты мне нужен, - сказала она. - Сейчас я за тобой заеду.

- Извини, - сказал Данилов. - У меня гости...

- Бабы или мужики?

- Мужчины, - сказал Данилов.

- Сколько вас?

- Пятеро...

- Вот и хорошо, - сказала Клавдия. - Один лишний. А четверых я заберу...

- Куда заберешь?

- Тяжести таскать! Надеюсь, настоящие мужчины не откажут даме в помощи...

- При тебе есть Войнов...

- Войнов! Войнов создан для науки. Турки у него... Ладно. Жди меня, - сказала Клавдия Петровна и повесила трубку.

Через полчаса Клавдия прибыла. Вид имела спортивный, будто собралась на лыжную прогулку. Она оглядела гостей Данилова, осталась ими довольна, присела на минуту, давая мужчинам время на сборы.

- Я вас моментально привезу обратно, - сказала Клавдия. - Там дел всего минут на пятнадцать... Я бы и одна, но камни тяжелые...

Николай Борисович Земский сейчас же сослался на больничный лист и люмбаго и вызвался сторожить квартиру Данилова.

- А вам и все равно не осталось бы места в машине, - сказала Клавдия. - И потом, такие огромные мужчины, как вы, они ведь самые бесполезные.

Земский кивнул, согласившись.

Клавдия спешила, коридором и на улице, к машине, шагала быстро, не оглядываясь, уверенная в своих помощниках, а те старались от нее не отставать. Данилов-то - по привычке, водопроводчику Коле было все равно, где теперь исполнять песню "Прошу меня не узнавать, когда во сне я к вам приду", — но спешили, втянутые в движение Клавдиевой энергией, и Кудасов, кому подобное движение прежде было бы чуждо, и Кармадон, вот что примечательно. И потом ехали в войновской "Волге" в некоем напряжении, куда - неизвестно. Но все - в готовности сейчас же исполнить просьбы Клавдии. Или требования. Она сидела за рулем решительная, зловещая, как царица Тамара в холодном ущелье Дарьяла. Было темно, и Данилов не понял, куда их завезли.

Выскочили из машины возле забора товарного двора какого-то вокзала, скорее всего Ярославского, Клавдия раздвинула коричневые доски забора, пропихнула в щель водопроводчика Колю, Кармадона, Данилова - сама пролезла на товарный двор, а Кудасова оставила возле щели в дозоре. То сугробами, то по шпалам, то под товарными вагонами Клавдия

долго вела помощников, будто группу диверсантов, и наконец вывела к кирпичной стене. Возле стены стояли сбитые из досок ящики, присыпанные снегом.

- Два берем! - сказала Клавдия. - Ты, Данилов, с этим! А я - с этим!

У Данилова "этим" был водопроводчик Коля, у Клавдии - Кармадон. Ящики оказались тяжелыми, килограммов по семьдесят, лишь добросовестные старания Клавдии вызвали в Данилове прилив сил, кое-как дотащил он с Колей ящик к охраняемой Кудасовым щели. А Клавдия с Кармадоном опередили их метров на десять. Пыхтя, нервничая, пропихнули ящики в щель, оторвали еще доску. Возле машины при свете фонарей Данилов разобрал на ящиках надписи: "Камчатская экспедиция. Вулкан Шивелуч". За вагонами в тревоге, но и с удалью засвистел сторож. Один из ящиков сунули в багажник, другой - на заднее сиденье, сами вмялись в машину и, словно бы чувствуя погоню, помчались в автомобиле улицами с редкими фонарями. Коле опять стало тепло в машине, и он запел, хоть и был придавленный Кудасовым: "Шапки прочь! В лесу поют дрозды-ы-ы-ы! Певчие избранники России..."

Подъехали не к войновскому дому, а к дому Клавдии, когда-то и даниловскому, кооперативному. Клавдию с ящиками пустили лифтом, сами поднялись пешком. Кудасов дрожал, усы его дергались, но Клавдия успокоила лектора, сказав, что за эти ящики

судить его никто не будет, они забытые и, видно, никому не нужные. Но, впрочем, нынешней поездкой она попросила не хвастаться.

Как и было обещано, Клавдия отвезла мужчин к Данилову. И сама посидела с ними полчаса. Квартиру Данилова она, возможно, и украсила, но отчего-то прежней душевности в компании не возникло. Кудасов, обзрев пустые уже тарелки, нашел, что ему следует вернуться к конспектам. Было видно, что и при горячих вторых блюдах он бы теперь откланялся. Душа его была в смятении. Земский вблизи Клавдии затих, хотя и считался бузотером и охальником. Водопроводчик Коля был весь в песнях. Один Кармадон, неожиданно для Данилова, проявил интерес к даме. Нечто давнее, знакомое Данилову, зажглось в его глазах. Часом раньше при явлении Клавдии Данилов обеспокоился. Он знал, что Кармадону женский пол после случаев с Синтией и коровами Бурнабито был ненавистен и мерзок. Он ждал от Кармадона поступка мстительного или грубого. Но Кармадон и в машину за Клавдией спустился, и под вагоны нырял, и ящик тащил! Теперь он смотрел на Клавдию мечтательным взором, поигрывал брелоком с костяной обезьяной! Эко все повернулось! "Да ведь я и сам, как последний болван, - подумал Данилов, - кинулся за Клавдией, волочил дурацкий ящик от вулкана Шивелуч... Наваждение какое-то! Вот ведь неистовая баба! И неумная к тому же! И как это

Войнов, автор книг о Турции, на ней женился, не пойму!" Впрочем, он тут же вспомнил, что и сам был женат на Клавдии.

Клавдия выпила кофе, поблагодарила Данилова за помощь и гостеприимство. Данилов хотел было ее из вежливости удержать, но не удержал. Галантный Кармадон вызвался проводить Клавдию. Та кавалером была довольна, на шутки Кармадона отвечала искренним, громким смехом. В дверях Кармадон подмигнул Данилову со значением. "Ну, проводи, проводи..." - подумал Данилов.

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

Шеврикука,

или Любовь к приключению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские Истории":
"Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

5

Очнулся Шеврикука на берегу Останкинского пруда.

На черной воде в платной прогулочной лодке сидел водяной Марафетьев с удочкой в руке. "Часа два ночи", - сообразил Шеврикука. Ночь стояла тихая, теплая, и люди на Поле Дураков и по тротуарам улицы академика Королева, пусть и редкие, шлялись. Водяной Марафетьев сидел в полосатых плавках спасателя, фетровой ковбойской шляпе и за спиной имел гитару. На всякий случай Шеврикука пожелал помахать водяному рукой, но сразу же понял, что Марафетьев его приветствия и не заметит. Он, Шеврикука, лежал глубоко в цветущих кустах шиповника. При попытке подняться застонал и принялся браниться. Все в нем болело. Все, но в

некоторых местах боль была особенно ощутимой. Исследовав географию боли, Шеврикука пришел к выводу, что добросовестнее всего экзекуторы отнеслись к устному распоряжению: "Под зад коленом!" Ковыляя домой, Шеврикука не раз оборачивался, грозил кулаком Башне и находил слова, каким позавидовали бы подсобные рабочие рыбных магазинов.

Потом клокотание в нем поутихло. "Кто-нибудь из домовых, ушедших к нам, вернулся в Останкино?" - вспомнилось Шеврикуке. А он возвращался. Понятно, они могли и лукавить, кто-то вдруг и вернулся, иное дело - как и в каком виде. А он, несомненно, возвращался. И возвращался Шеврикукой. И он почувствовал себя чуть ли не победителем. Видали, экий Шеврикука-то он!

Однако победные песнопения звучали в нем недолго, и с унылой рожей явилась мысль: ну и какие такие достижения в том, что он уцелел и возвращается? Накануне о возвращении он вовсе и не пекся. И выходило, что он проиграл. Он упустил шанс, который вряд ли еще представится. Его не приняли всерьез, не признали даже достойным темницы или измеления в порошок, его отрыгнули за ненужностью, не считаясь с приличиями и без боязни последствий. А если рассудить холодно, переведя себя в состояние студня из свиных ног с желатином, то следует признать, что более других виноват был он сам. Он ведь знал, куда

рискнул проникнуть, готовился к капканам, унижениям и даже пыткам, роль себе сочинил и выстроил и вдруг - к собственному изумлению - повел себя гордецом, дерзил собеседникам. "А зачем они кривлялись? - начал оправдываться Шеврикука. - Кривлялись-то зачем?.. Голосами дурными верещали, щипались, вспоминали Риббентропа, балаган устраивали... Зачем?.." "Их право, - тут же ответил себе Шеврикука, - не они тебя приглашали, ты сам изволил их посетить". Отважившись двинуть в поход, был согласен на любого собеседника, да что согласен - мечтал о любом собеседнике, а заполучив его (надо полагать, что и не "любого"), — принялся ему хамить. И тогда еще терпение у них не иссякло. Хотя бы два слова существенных они желали от него услышать. Коли сам приволокся. И не слышали. Возможно, их устроили бы и "Чаша Грааля", а он и о ней не сказал. ("Далась тебе эта "Чаша Грааля"!" - опять удивился себе Шеврикука.) Дурак, он и есть дурак, добавить тут нечего. Ну, живой, ну, вернулся, а дальше что? Что дальше-то? Ведь он уже и в мыслях выкорчевал себя из привычной жизни. К тому же как пребывать здесь, как служить после воскресных посиделок?

"А-а-а, - в отчаянии решил Шеврикука, - сяду-ка я на больничный. Выправлю-ка я больничный и отсижусь. И дядя, уполномоченный, фикус меня не достанет. А там посмотрим!"

Добыывать больничные Шеврикука и при непоколебленных состояниях своей натуры был умелец, теперь же и ловчить не стоило, а надо было лишь предъявить дежурному знахарю спину и задницу ("сдувал пыль с лампочек, рухнул вместе с люстрой, сами знаете, какие выпускают, пусть и по конверсии") и удалиться от недоброжелателей в спасительное укрытие постельного режима. И Шеврикука немедленно посетил ночного знахаря. Дежурил тот в калеко-пункте на четвертой липе (если встать передом к Хованскому проезду) Поля Дураков, зевал в безделье. Бумагу выправил вмиг. Шеврикука получил снадобье для растирания ("нынче туда добавлены шакальи выбросы, из Замбии, некоторые суют вовнутрь, но я бы не советовал"). В малахитовой вазе Шеврикука решил обдумать происшествие дня заново и всерьез, мысли по дороге от пруда и домой казались ему теперь неразумными, зыбкими, суетными. Но тут же ощутил сигнал: в его подъездах опять нарушалось благонравие. "Нет меня! - протестуя, в воздух, сделал заявление Шеврикука. - Я больной! На больничном! Болею болезнью!" Но шум опять происходил из окрестностей квартиры активиста Радлугина.

"Ну попадитесь мне сейчас подлец Продольный и уполномоченный дядя!" - возмечтал Шеврикука.

Однако и сам Радлугин, так и не вознагражденный ведомствами судьбы розовым унитазом, был встревожен и

раздосадован не менее, нежели Шеврикука. Шумели над ним, в квартире кандидата наук Мельникова, и на ближних пролетах лестницы. Радлугин звонил в "Скорую", в милицию, к пожарным, машины приезжали - и белые, и желто-синие, и красные. Но и отбывали. Выяснив причины ночного праздника, лица, вызванные Старшим по подъезду, проявляли непростительное благодушие, никого не брали, не окатывали струей, никого не убеждали резиновыми доводами, а говорили: "Историческая неизбежность. Человечество прощается с прошлым. Пусть порезвятся напоследок. К шести разойдутся".

Уснуть супруги Радлугины не могли, в пижамах толклись у двери, приоткрытой на две цепочки, и время от времени обращались к народу с пронзительными призывами и назиданиями. "Не митингуйте, - отвечали им без злобы, но с усталостью и печалью. - Вот метро поедет, и мы уберемся". А стрелки подтянулись к трем.

Шеврикука в приличном виде ввинчивался в компании курящих вблизи квартиры Мельникова и скоро вызнал все обстоятельства. Вот что было. Упразднили Департамент Шмелей. Длиннее: Департамент, управлявший полетами шмелей. В бумагах название Департамента выглядело еще более протяженным. Дело к тому шло. Той самой исторической неизбежностью, о которой справедливо напоминали Радлугину медики, милиционеры и пожарные, Департамент был поставлен в очередь. Теперь номер его

выкликнули. Упразднили. Разогнали. Изничтожили. Компот сварили из чиновников, объявив, что накладно надзирать из первопрестольного населенного пункта над шмелями, да и противно это естеству природы, пусть перепончатокрылые летают, кушают, плодятся и совершенствуются сами по себе. Патриоты Департамента учинили прощальный бал. Гуляли в ресторане. Когда утихли, околевав, ламбады и эскадроны мыслей шальных, решили продолжить. Кто где. Вспомнили, что талант, а может, и гений Митя Мельников, малахольный и великодушный, может многих вместить в своей холостяцкой квартире. К нему и бросились. И хорошо сидели. Теперь догуливали, курили, зевали. Впрочем, иные были еще резвые и неуголенные.

- Ба, и вы здесь! - Шеврикуку хлопнули по плечу.

- Я? - Шеврикука даже растерялся. - Да, я здесь... Здесь я...

Приветствовал его квартиросъемщик Сергей Андреевич Подмолотов, проживавший на втором этаже и хорошо Шеврикуке известный.

- Вы тоже, что ли, в нашем Департаменте работали? - обрадовался Подмолотов. - А я и не знал. Я сегодня со многими познакомился, с кем, оказывается, работал.

- Нет, - сказал Шеврикука. - Я здесь случайно. Я ведь тоже живу в этом доме. Возможно, мы с

вами сталкивались во дворе, в магазинах, в очереди за квасом...

- И не только за квасом! - рассмеялся Подмолотов. - То-то я вижу - лицо знакомое.

- Конечно, конечно, - закивал Шеврикука. - И мне ваше.

- А на Северном флоте вы не служили?

- Нет. На Северном я не служил.

- Тогда, наверное, в Севастополе?

- Нет. И в Севастополе я не служил.

- Ну и ладно. Тем более следует промочить горло. Пойдемте к Мельникову.

И Подмолотов повлек упиравшегося Шеврикуку из коридора к столу. Сергей Андреевич Подмолотов был мужчина шумный, из породы громобоев, он и носом издавал громкие звуки, нос этот был солидный, трубой, напоминал нос Корнея Ивановича Чуковского. Сергей Андреевич в Департаменте трудился в должности инженера по технике безопасности, но и во дворе и в доме его знали прежде всего как бывшего и доблестного моряка. Срочную службу он проходил на непотопляемом крейсере "Грозный". Его и называли во дворе не Сергеем Андреевичем и не Серегой, а то Крейсером, то Грозным.

- Митя! Мельников! - загремел Подмолотов. - Смотри, кого я привел! Вот, видишь! - И уже шепотом: - Запомню, как вас именуют, в голове нынче все перемешалось, извините...

- Меня? - замешкался Шеврикука. - Игорем Константиновичем...

Он сам себе был удивлен. Случались эпизоды, когда в людских компаниях и передрягах ему приходилось придумывать себе имя и отчество. Но "Игорь Константинович" никогда не являлось ему в голову, и не было никаких объяснений, почему теперь он объявил себя именно Игорем Константиновичем.

Впрочем, никто на него, похоже, не обратил внимания. Дмитрий Мельников, узкий в кости, деликатного сложения блондин, кивнул из вежливости. И ему, наверное, лицо Шеврикуки показалось знакомым. Но Мельникова, вцепившись в куртку, тянул к себе возбужденный собеседник с намерением то ли расцеловать Митю, то ли плюнуть ему в физиономию. И собеседник этот проживал в Землескребе. Департамент в пору расположения к нему городских властей выбил здесь немало квартир. Собеседник Мити был экономист Дударев, красавец мужчина лет тридцати пяти с коварными тонкочерными усами графа Люксембурга или князя Эдвина, покорившего королеву чардаша, вертопрах и плясун, в словесных баталиях способный обескуражить и самого Радлугина. Наконец, Дударев расцеловал Митю. Но тут же гордо оттолкнул его от себя и сказал:

- Ты - мельник, колдун, обманщик и вор, и дело наше, еще и не начатое, а значит, и тем более хрупкое, желаешь предать!

- Почему я обманщик и вор? - пьяно пробормотал осевший на стул Митя.

- А потому что опера есть такая композитора Фомина "Мельник - колдун, обманщик и вор". Или сват. Не важно. Лучше вор! Ну ладно, мельник ты теперь только по фамилии. И небось уже не колдун. Стало быть, остался только - обманщик и вор!

- Почему я обманщик и вор? - обиженно повторил Митя. - Почему я...

- Ты, Дударев, не прав, - вломился в разговор Подмолотов. - Ну конечно, Митька уже не мельник. И где они, мельницы, где? Где мука? Где вермишель и рожки? Но колдуном-то он может быть, их-то хватает!

- Могу! - тут же откликнулся Мельников. - Колдуном - могу! И прабабка моя была колдуньей. Под Дмитровом. В селе Ольгово, в имении Апраксиных, там, где Пиковая Дама на портрете... Колдуном - могу!

Сил у Мити хватило лишь на это заявление, веки его смежились, он заснул.

- Все он врет! - заключил Дударев. - И дело наше поддержать не желает!

- Какое дело? - спросил Подмолотов.

- Тише! Тише! - зашипел на него Дударев. - Неугомонный не дремлет враг!

Сейчас же из угла комнаты воздвигся человекобык с бокалом в руке и запел: "Смело мы в бой пойдем за власть Советов и-и-и, - палец певца поперся вверх, превращаясь в восклицательный знак или в жезл управителя движением, - и-и-и как один умрем в борьбе за это!" "Бордюков, успокойся!" - приказала певцу

крепкая обильная дама, похожая на метательницу ядра, сама будто выложенная из ядер, за столом она хозяйничала, и ее слушались. Вот и Бордюков, испив из бокала, крикнул, сел и успокоился. "Бордюков - это наш кадровик. И по общим делам... - зашептал Шеврикуке Подмолотов, видимо посчитавший, что свежего человека следует просветить. - А соседка его - Совокупеева, она передовых взглядов и всегда в президиумах, тоже экономист, как и Олег Дударев, но сознательностью выше... А вон та барышня, покраснелась вся, это наша прелестная Леночка Клементьева, музыковед, она из музыкального управления. Бывшего, конечно, бывшего..." "Какое в вашем Департаменте могло быть музыкальное управление?" - усомнился Шеврикука. "А как же! - Подмолотов сомнениям Шеврикуки чуть не обрадовался. - А моряк-то великий, пусть и не служил на крейсере "Грозном", но за сколько лет все предвидел и написал "Полет шмеля"!"

Леночкино управление занималось биомузыкой, расшифровкой серенад и трудовых песен шмелей, других разных насекомых. Леночка, скажем, вела стрекоз, ну и еще кое-что, вы понимаете... - Тут Подмолотов зашептал совсем тихо, губы его почти сжались. - Конечно, мы и шмелей курировали, и их процветанию содействовали, но и не только... Много чего секретного... Теперь другое мышление. И правильно... Но было, было... Вот

и Митя Мельников, Эдисон с Яблочковым, такие темы разрабатывал, такое изобретал, что и рассказать нельзя, талант и гений!" "Точно! - подтвердил усевшийся рядом Дударев, плясавший только что за стеной, налил всем в рюмки жидкость бурого цвета и тоже зашептал: - Митьке-то давно быть доктором, академиком, а он лодырь и карась, он и теперь уже такое соорудил, почти соорудил, что чего хочешь материализует. Вот все, что Крейсер Грозный врет, и это материализует!" "Я никогда не вру! - обиделся Подмолотов. - Нигде. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Ты же знаешь".

"И такого человека, как Мельников, разогнали и сократили? Как же так? - не поверил Шеврикука. - Его куда только с почетом не звали, а он сказал: буду как все. И его не сдвинешь". "Дурак он! - вспомнил возмущенно Дударев. - Колдун, обманщик и вор! И дело наше поддержать не хочет! Предатель!" - "Какое дело?" - "Тише! Ша! Замолкли! - зашипел Дударев. - Выпьем лучше! А Ленка-то как на него смотрит. Тоже дуреха из оленьего стада!"

Музыковед Леночка Клементьева, рекомендованная Шеврикуке Подмолотовым, и впрямь во все время их разговора не сводила с Мельникова черных глазищ, восторженных и жалеющих, и все видели, что она в Митю влюблена. На Митю глядел и ее приоткрытый рот. Хотелось бы сказать: ротик. Но нет, у Леночки был именно рот, и большой, нисколько, впрочем, ее не портивший. И вызывавший даже

предположения, что Леночка - барышня не только благоуханная, но и страстная. Теперь она явно желала подойти к Мите и замереть возле него, оберегая Митин сон. Но сила вмещенного в нее напитка подняться ей не позволяла. "И-и-и! - опять взлетел палец Бордюкова. - Как один умрем в борьбе за это!" Теперь певцу на глотку не наступили, а даже попросили начать кантату "От края до края по горным вершинам, где вольный орел совершает полет", и он, обнаружив в себе ансамбль Александрова, просьбу ринулся исполнять. Бордюкову стали подтягивать. Хоровое пение в Останкине никогда не умирало, менялись лишь вкусы и пристрастия любителей. Долгие годы здесь, как помнилось Шеврикуке, звучали все более трогательные, бередящие душу или, напротив, обнадеживающие слова. Вроде таких: "Ромашки спрятались, поникли лютики..." Или: "И снится мне не рокот космодрома..." Или: "Без меня тебе, любимый мой, лететь с одним крылом!" Или: "Из полей доносится "Налей!" И конечно: "Горная лаванда"! Где те устойчивые времена! Сейчас же получалось, что квартиросъемщики и их гости при хоровом пении из лирического состояния впадали в гражданское. При этом свирепели, и орали, и готовы были бить посуду. Шеврикука поглядывал на солиста, человекобыка Бордюкова, и прикидывал, перевернут ли стол вместе со спящим хозяином или нет. Не перевернули. Утомились... Тут он наконец разглядел, что на столах осталось и что

с них уже было взято. При нынешних затруднениях к Мельникову принесли закуски и напитки из семейных добыч и запасов, все больше домашнего приготовления. Жидкость от разных специалистов была своего цвета - и бурая, и свекольная, и мутно-оранжевая, и прозрачная, как совесть отечественного налогоплательщика. "Кони сытые бьют копытами!" - заорал Бордюков. Его остановили предложением выпить за урожай и за преодоление кризиса в Новой Гвинее.

- Мо-ол-ча-ать! - вскочил вдруг на стул мелкий взъерошенный мужчина с тремя жетонами победителя соревнования на эпонжевой ковбойке. - Мо-ол-ча-ать! У нас что? Нам что - знамя вручили? У нас поминки. Мы упразднены. Мы сокращенные. Нас нет. Нет. Мы живые трупы. Мы привидения. А тут поют и пляшут! Разой-дись!

- Свержов, успокойся, спать пора, баиньки пора! - Возле оратора сейчас же оказался легкий Дударев, стал за ногу стаскивать Свержова с кафедры, подросла Совокупеева, она хозяйственно схватила Свержова, заграбастала его и повлекла из компании на покой.

"Наверх вы, товарищи, все по местам!" - стал размахивать руками Бордюков, приглашая публику открыть глотки и ответить Свержову и судьбе. "Это по-нашему, по-флотски! - одобрил Бордюкова Подмолотов, успел шепнуть Шеврикуке: - А Свержова вы в голову не берите. Замначальника управления передних

плоскостей. По режиму. Он, конечно, строгий. Да и как же ему без строгостей? Но вы не бойтесь. Это он на нервах". И последовал Бордюкову во вторые голоса.

И все же гулянье криками проявившего бестактность Свержова было расстроено. Вот уж и из песен исчезла энергия. И пили без тостов, кто как - кто с соседом, кто сам с собой, кто чокаясь с рюмкой или плечом дремлющего Мельникова. Шеврикука полагал, что ему пора раскланяться, но встать не мог. Трезвенником он не был, но и не увлекался, и уж под столами и заборами никто его не наблюдал. А тут он затяжелел. Может, на Башне его слишком растрясли и изволтузили. "Ну ладно, - говорил себе Шеврикука, - еще посижу, послушаю". Как это он прежде-то не проявлял интереса к Мите Мельникову и занятиям Департамента Шмелей? А вдруг и не случайно Продольный с уполномоченным дядей собирались заменить предмет из системы общей связи именно под Митей Мельниковым? Не был ли в их предприятии какой-нибудь особый смысл или технический фокус? А покойный Фруктов, до гибели доведенный, проживал прямо над Мельниковым! Так-так-так! Нет ли во всем этом темного, но и вызванного кознями сплетения обстоятельств, которое ответственный домовый-двухстолбовый проморгал? Чьими кознями? Из-за чего и ради какой выгоды? "Фу ты! - останавливал себя Шеврикука. - Глупости мерещатся, закусывать следовало борщом..."

Тут на плечо Шеврикуке доброжелательно возложила руку крепкая дама Совокупеева. Рука ее была горячая, и сама Совокупеева исходила жаром. Или истомой. Нельзя сказать, чтобы возлежание руки на его плече вышло для Шеврикуки неприятным. Опять Шеврикука подумал, что Совокупеева может - и удачно - толкать ядро и вся сложена из ядер. "Как это материя, тряпки всякие выдерживают, как не треснут, когда ядра ее перекатываются?" И в этой ленивой мысли Шеврикуки не было неприязни, скорее содержался комплимент женщине. "Такая и в Доме Привидений бы не пропала, - подумал Шеврикука. И тут же на себя фыркнул: - Не пропала бы! Она там бы в первые привидения вышла, да еще бы и свечи в шандалах растопила!" В грезах Шеврикука перевел в Дом Привидений и Леночку Клементьеву, и Леночка увиделась там уместной. В тех же грезах сразу возникли чаровница Гликерия и бесстыжая Невзора, она же Копоть, и стали Шеврикуку гневно отчитывать, Шеврикука их не прогнал, он хотел всех, и хрупких, и обильных, примирить и обнять...

- Какая улыбка у вас благодущная! - услышал Шеврикука явно ласковые слова Совокупеевой. - И хохолок какой... И уши какие большие...

С плеча Шеврикуки горячая рука Совокупеевой двинулась к его лбу, потрепала жесткий клок его русых волос, а потом захватила его левое ухо,

сжала его, отпустила и стала гладить розовую мочку и ушную раковину.

- И такую женщину сократили? - млея, произнес Шеврикука. - И такую женщину упразднили? О чем же они думали...

- И сократили! И упразднили! - Рука Совокупеевой взлетела вверх, пальцы сцепились в кулак, и опустилась на стол, производя переполох посуды. - Давай, друг, дернем с горечью!

Себе из криминальной по классификации Радлугина бутылки она плеснула бордовой жидкости в стакан, оглядела рюмку Шеврикуки в недоумении и заменила ее как неспособную составить счастье стаканом же, они дернули с горечью, и Шеврикука понял, что Совокупеева его сейчас повлечет. Но опять загревели, заголосили человекобык Бордюков и Свержов со значками соцсоревнователя, теперь вместе, вскочив на соседние стулья, правда, один выступал с песней, другой с устной прокламацией - звал с ружьем и на улицу. Но песня не была поддержана, и ружье не нашлось. В Шеврикуке же все текло и колыхалось, и состоялись минуты, когда жаркая дама Совокупеева увлекла его в приют любви, и было испытано им удовольствие, будто бы он откусал сдобный пирог с малиновым вареньем, только что вынутый на противне из духовки. А потом Шеврикука задремал.

Проснувшись, он ужаснулся: давно столько не спал. Сидел он за столом в квартире

Мельникова, и из-под его рук и головы старались вытянуть скатерть. Шеврикука вскочил. "Как же это я? А дела? Дела! Ты на больничном! Ты на больничном!" - тотчас зазвенели над ним бубенцы; Шеврикука огляделся. Легкий Дударев, тихие поутру Подмолотов, Совокупеева и Леночка Клементьева убирали в квартире, и Шеврикука вызвался носить посуду на кухню. Совокупеева на него и не посмотрела, воспоминания о пироге с малиной из духовки предлагалось не держать в голове. Впрочем, воспоминания эти и не слишком были нужны сейчас Шеврикуке.

В коридоре под потолком, вытянув руки и ноги, будто в полете, раскачиваясь, висел человекобык Бордюков и, не глядя вниз, нечто бормотал. Под ним стояли Митя Мельников и еще более, чем ночью, взъерошенный соцсоревнователь Свержов, уговаривая кадровика, корифея анкет и личных дел снизойти к людям. Бордюков мрачно мычал и мотал головой. "Как это он башку-то смог пропихнуть в кольцо? - удивился Шеврикука. - Он же теперь её оттуда не достанет". Митя Мельников из двенадцати колец, родственных гимнастическим, устроил себе под потолком место для умственных полетов и обывательских мечтаний. Имели же туземцы в Западном полушарии и до Колумбовых каравелл гамаки. Митя просовывал голову в кольцо, остальные кольца и ремни держали его туловище, раскинутые ноги и руки, Митя

покачивался в квартирных высях, отдыхал, обмозговывал свои технические соображения, а то грезил. Но это Митя. А Бордюкову-то зачем потребовались выси? И каким макарон сумел он взлететь? Впрочем, не Шеврикуки это было дело. Спускаться на пол Бордюков не желал, а может, и не соображал, где находится. Совокупеева, выйдя в коридор, спросила, опохмеляли ли Бордюкова или нет, и, узнав, что не опохмеляли, посоветовала принести стакан "лигачевки", но не поднимать его к объекту, а поставить на пол. Увидев под собой самогон, Бордюков задержался, хотел было ввести себя в штопор, но не вышло. Подставили стремянку, с трудами и ругательствами высвободили тело Бордюкова, а голова не давалась, была в два раза шире кольца. Следовало кольцо пилить. Пока искали пилу или ножовку, Шеврикука, поморщившись, поднялся по стремянке, растянул кольцо, с тушей Бордюкова чуть ли не рухнул на пол, с метр вынужденно пролетел. Совокупеева удивилась, стояла озадаченная, впрочем, недолго. Действия Шеврикуки, возможно, укрепили ее в чем-то, она взглянула на него со значением, но сейчас никуда не повлекла. Ушла по делу. А Бордюков шарахнул стакан и потребовал еще.

- Ну нет! - решительно сказал Дударев. - Все выпито, пролито и испарилось! Сам бы с удовольствием, но не имеем. Сейчас все вымоем, вытрем и пойдем в парк, там под каждым кустом сидят дяди Гриши и тети Грани,

у них на квартирах курятся напитки и марочные, и ясновельможные.

Бордюков уныло кивнул, подниматься с пола не стал. Когда действительно все было вымыто и вытерто, Дударев предложил и Леночке с Совокупеевой участвовать в оздоровительной прогулке. Леночка, кротко, влюбленно взглянув на Митю Мельникова, было согласилась, но Совокупеева цыкнула на нее, заявив, что после вчерашнего надо думать не о душе, а о хлебе насущном. Хлебом-то все же именно и жив человек, а в три часа им с Леночкой назначен дорогой разговор в хорошем совместном предприятии.

- Да-да! Конечно! - рассмеялся Дударев. - В советско-йошкаринском. Будете в ихнем "Макдональдсе" накрывать на стол. Подадите нам моченый горох: "Просим вас, мужчины!.." Мы-то как раз в парке и поговорим о деле. И Митичку заставим в него вступить.

- Заставим! - утвердил с пола Бордюков.

- Нет, - заявила Совокупеева. - В твоё дело включиться, коли будет нужда, успеем. Нам с Леной надо сегодня сходить. А перед тем зайти в баню и к парикмахеру.

- Ну смотрите, - сказал Дударев.

(продолжение предполагается)

ЭПИТАФИИ

(1914-1918)

Новичок

**Они быстро на мне поставили крест -
В первый день, первой пулей в лоб.
Дети любят в театре вскакивать с мест:
Я забыл, что это - окоп.**

Двое

**А. - Я был богатым, как раджа.
Б. - А я был беден.
Вместе. - Но на тот свет без багажа
Мы оба едем.**

**Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.**

Э. Ананишвили

Цитата номера:

**Вы на следующей выходите?
— Да. — А впереди вас
выходят? — Да. — А вы их
спросили? — Ну. — И что они
вам ответили? — Так пока
Вы спрашивали, я уже забыл.
— Так вы ещё раз спросите.
— Так тут уже другие стоят.
Таки спросить? — А, уже всё
равно я проехал, пока вы мне
тут отвечали...**

< И Б И С >

№ 20

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000 USA. Выпускается на личные средства издателя. Соответствует примерно 100 бумажным полосам формата А5 кеглем Arial-11. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла с названиями типа "tunn07" (номера с 1-го по 17-й) или "ibis19" (номера с 18-го по...) журнал бесплатно предоставляется на почтовом сервере <http://www.mailru.com> с именем\адресом eugenelev@fromru.com и паролем academia. Там можно выбрать любое количество статей номера, для чего, возможно, потребуется войти на сайт и через опцию "управление файлами" ("file manager") предварительно посмотреть содержание номера (файл "Contents"): для этого он обычно автоматически распаковывается и просматривается. Затем выбрать желаемый файл №... (то есть интересующую Вас статью; а о чём она, там написано) — и его\её себе скачать. Впоследствии для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо (для редактора Word-9/0\2000) установить режим Print Layout View, 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

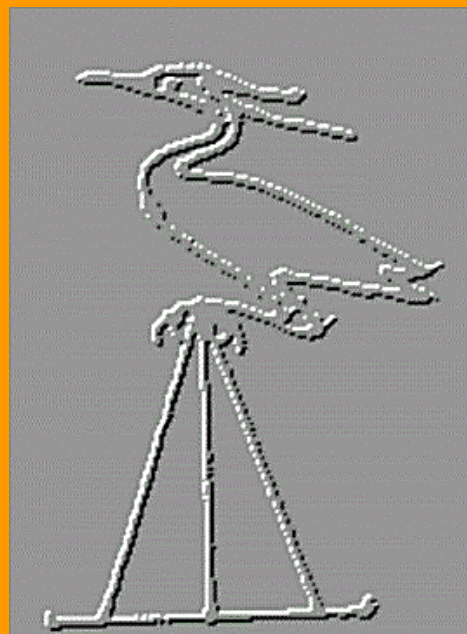
Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы. С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Тел.: (095) 493-54-87 (редактор)

E-mail: eugenelev@fromru.com (редактору)

Адрес в Интернете: <http://www.arimoya.narod.ru>

**"Следует
всеми
силами
продвигать
знания о Тонком
мире."**

Агни Йога